

Маша
Мовыгина

ТАЙНЫ
чародейского
СЫСКА

Маша Ловыгина

Тайны чародейского сыска

<https://litres.ru/74210754>

Аннотация

Шорт-лист конкурса "Не совсем серьезно"

После окончания колледжа полиции Василиса Найдёнова получает распределение на стажировку в заштатный городишко Лиходеево. Василиса полна решимости окунуться в работу и мечтает стать настоящим следователем. Вот только город какой-то странный, преступления непривычные, а руководство и вовсе... «сказочное».

Обложка от Ларисы Шубниковой♥#

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	61
Глава 9	68
Глава 10	76
Глава 11	83
Глава 12	91
Глава 13	99
Глава 14	108
Глава 15	117
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Пролог

Книга является художественным произведением.

Все имена, персонажи, места и события, описанные в романе, вымышленные или используются условно.

Я слышал, это место у вас нечистое.

Иван Тургенев. Бежин луг.

– А-а-а! Уйдут же, Глеб Данилыч!

– Гони, Володенька! Гони, родимый! Не уйдут волки позорные!

Машину ощутимо тряхнуло, но Василиса этого не заметила, потому что её скрутило от смеха.

– Я... я... – Василиса тряхнула головой. – Будто фильм смотрю, ей-богу! Вы же в курсе, какой, да? Но прикид у вас крутой! – подняла она палец вверх. – Артисты?

В темноте салона глаза Глеба Данилыча недобро сверкнули голубым, квадратная челюсть выдвинулась вперёд, густые тёмные брови сдвинулись к переносице, а сам он навис над ней будто коршун. Или орёл? У кого бывают такие мощные плечи?

Василиса вытерла выступившие от смеха слёзы. И тут от его взгляда её до самых печенок проняло, словно она кусок льда проглотила. Внутри стало и зябко, и как-то нервно, что

ли...

– А что это у нас потерпевшая хохочет яки кикимора? – вкрадчивым басом спросил Глеб Данилыч.

– Я не кикимора! И не потерпевшая! – гневно вспыхнула Василиса. – Я вообще-то...

– Ты что же думаешь, в сказку попала?! – вновь окатило её ледяным холодом.

Глава 1

– Девушка, я вам еще раз повторяю: до Лиходеева сегодня рейсов не будет!

– Но как же так? Мне надо! У меня работа! – Василиса легла грудью на стойку и пропихнула паспорт обратно в окошко.

Очередь зашушукала, дежурная закатила глаза:

– Для особо непонятливых объясняю: дорогу завалило. Вы видите, какой снегопад?

– Да, но в другие места автобусы едут, так почему же тогда...

– Так федеральную трассу чистят! А Лиходеево в стороне.

Василиса тяжело вздохнула, но потом, понизив голос, сообщила:

– Понимаете, меня ждут! Я работник правоохранительных органов!

– Ой, гляньте-ка, – похлопала клочковатыми от туши ресницами дежурная, – кажись, даже снегопад закончился от этой информации!

Василиса на автомате повернула голову и посмотрела в вокзальное окно. Но снег валил по-прежнему.

– Ладно, я поняла, – шмыгнула она носом. – И как же мне в таком случае туда добираться? Мне очень надо попасть туда прямо сегодня.

Советы взять такси, переночевать и поехать завтра посыпались от умаявшихся в очереди путешественников, но Василиса лишь отмахнулась. Ни родственников, ни знакомых, ни лишних денег на отель у нее не было.

– Ты на ближайший до Росславля бери и попроси, чтобы тебя на повороте высадили. А там дошкандыбаешь как-нибудь, – посоветовал дядька с заплывшими глазками. От него сильно разило перегаром. – Идти-то всего ничего, километра два. Или три... – Дядька икнул, воздух отяжелел от синюшных паров.

– Да все пять! – поддержала его блондинистая бабёнка с лохматой собачонкой.

– Так два, три или пять? – уточнила Василиса.

– А какая разница по такому-то снегу? В такой снегопад тебя все равно никто не повезет, – развёл руками дядька.

Очередь вяло согласилась.

– Давайте до поворота! – сказала Василиса дежурной.

Получив билет, она глянула на часы, положила билет в карман короткого пуховичка и пошла на платформу. Ничто и никто не мог испортить ей настроения. «Буду как Швецова! – перехватив из одной руки в другую спортивную сумку, напомнила себе Василиса. – Трудности закаляют! А для настоящего следователя любая проблема – это, прежде всего, вызов. Вызов самому себе!»

Прохаживаясь вдоль платформы в ожидании автобуса, Василиса старалась не думать о том, что она совсем одна на

белом свете. Во-первых, ей еще не так много лет, а во-вторых...

Она увидела, как подъезжает старенький рейсовый автобус, и поежилась. На вид он был совсем неказистый и наверняка промерзший до ржавых рессор.

– Вы меня на повороте к Лиходееву высадите? – задержавшись на подножке, спросила она у водителя – румяного мужичка с лихо надвинутой на затылок шерстяной кепке.

– Высажу, чего ж не посадить? – пожал он плечами и мазнул по ней внимательным взглядом. – Встретят вас?

Наверняка подумал, что в таком виде топать до города она не решится.

– Угу, – кивнула она, чтобы избежать лишних вопросов, показала ему билет и юркнула внутрь салона.

Хорошо бы встретили, конечно. Она в отдел кадров звонила еще на прошлой неделе, в пятницу. А сегодня понедельник. Кто ж знал, что нынче снегом всё завалит? Последние зимы были – обнять и плакать. Ничего, разберётся по ходу пьесы, не пропадёт. По снегу даже приятно прогуляться.

На удивление в автобусе было жарко. Заняв место у окна рядом с сухоньким дедком, Василиса расстегнула молнию у ворота, обхватила сумку двумя руками и блаженно закрыла глаза. Кто бы знал, как она устала! Сначала на поезде, потом на маршрутке, теперь на автобусе, так еще пешкарусом придётся... километров пять...

И всё же её переполняла радость.

Василиса мчалась навстречу своей мечте и была готова на все, чтобы та осуществилась в полной мере. Когда-то над ней смеялись, говорили, что у нее ничего не получится. Но после девятого класса она пошла учиться в колледж полиции и переехала из детского дома в общежитие. Училась, занималась спортом, сдавала нормативы, зубрила УК, читала и смотрела отечественные детективы и верила, что однажды станет такой же как ее любимые героини: Мария Швецова и Настя Каменская.

Пройдёт практику и в институт поступит. Сейчас опыта наберётся и вперёд! Как же ей хотелось быть полезной обществу, защищать слабых и наказывать виновных! И ничего страшного, что службу приходится начинать с города, который и на карте-то не найдешь, выбирать пока не приходится. Нет у нее никого и никогда не было. Найдёнова она, и этим все сказано.

А выбор профессии, можно сказать, сложился в тот самый момент, когда её грудным ребёнком нашёл полицейский патруль. В овраге. Не случись им в ту промозглую осень мимо проходить, погибла бы. А Василисой её уже в доме малютки назвали. Чтобы, значит, жизнь сказочная была. Однако в сказки она никогда не верила. Есть голова на плечах, руки, ноги, мозги, вот с этим набором и жить. А чтобы хорошо жить, надо работать. А хорошо работать можно только там, где нравится. Или много платят. Туда, где много платят, никто её не позовет, значит, работаем с тем, что нравится!

«Может, и служебную квартиру дадут... – тепло отозвалось внутри. – меховые тапочки куплю...»

Видела как-то Василиса такие в магазине, с помпонами. Набегаешься за день, как приятно потом в них уставшие ноги сунуть. Вот чтобы сесть в кресло в своём доме, выпить кофе из собственной кружки, кота приласкать, включить собственный телевизор...

– Кто сейчас телевизор вообще смотрит? – прошамкал рядом дедок.

Василиса вздрогнула и открыла глаза. Кажется, последние слова она произнесла вслух.

Она приложила ладонь к стеклу. Кожу закололо, потом по запястью потекла холодная струйка. Через тёмное пятно Василиса попыталась разглядеть хоть что-нибудь, но увидела лишь мелькающие заснеженные ёлки. Её снова стало клонить в сон.

– Кому на повороте выходить? – вдруг донесся голос водителя.

– Я! Мне! – она подскочила и стала пробираться в узкий проход, приподняв сумку.

Двери распахнулись, в нос ударило свежим морозным воздухом и бензиновым выхлопом.

«Как же я кота заведу? Мне нельзя кота, у меня работа...» – промелькнуло в голове.

И то верно, о чём она вообще думает? Какие коты, когда впереди непечатый край работы во благо общества? И вооб-

ще, никаких котов и мужиков, от них одна разруха и никакого порядка!

Василиса посмотрела вслед натужно кряхтящему автобусу и закинула сумку на плечо. Каменская и Шевцова красивые, а ей и думать обо всём этом смешно. Потому как красоты в ней, Василисе Найдёновой, никакой нет. Разве что волос длинный, да глаза редкого цвета: что-то между карим и рыжим. Вроде янтарного. А так, ничего особенного. Пройдёшь мимо, не заметишь. А вот она всё подмечала, старалась. Психологией увлекалась, часами в библиотеке и в интернете сидела, пока сокурсники на свиданки бегали. Наверное, поэтому ни близких друзей, ни молодого человека у неё не появилось. Кому хочется с занудой и заучкой без роду и племени дружбу водить? Одного им не понять, что только она сама у себя и есть, никто о ней не позаботится. Да и характер, конечно, что хрен – вредный и ядрёный. Враньё и ложь за версту чует, пресмыкаться не умеет.

Хоть бы с начальством повезло! Вот бы оно в уме, порядочности и адекватности было, а то ведь не удержишься.

Начинало темнеть. Тусклый свет дорожных фонарей терялся в белом мареве. Василиса направилась в сторону поворота и бодро зашагала, утопая в снегу. Дорога была не широкая, вела вдоль леса, но было видно, что за последние сутки по ней никто не ездил. Следовало двигаться как можно быстрее, чтобы оказаться в Лиходеево засветло. Не сбавляя скорости, Василиса достала телефон, куда вбила номер город-

ского полицейского управления. Приложив холодную трубку к уху, стала ждать гудка. Но он так и не появился.

– Вот же напасть какая! – сунула она телефон обратно в карман. Ни интернета, ни связи, действительно, глухомань!

Накинув капюшон, Василиса приказала себе не дрейфить и припустила вперёд. Сколько бы ни было километров до города, она все равно их преодолеет. Не зря же брала первые места на спартакиадах. Соперники кривили рты и с издёвкой бросали:

– А может, Найдёнова у нас и не баба вовсе, а мужик? Василий, а ну-ка покажи вторичные половые признаки, гы-гы!

Было очень обидно, но, как говорится: обидно, досадно, но ладно! Она еще всем покажет!

Снежинки, такие крупные, что можно было разглядеть узор, липли к щекам и кончику носа, оседали на ресницах. Хорошо, ботинки удобные, высокие, теплые, купила как-то совершенно случайно в комиссионке, так что внутрь снег не попадал. Но коленки уже начинали потихоньку неметь. И сумка с форменным обмундированием оттягивала плечо. Полгода на него копила.

Чтобы отвлечься, Василиса стала считать шаги и увлеклась настолько, что, когда опомнилась на трех с половиной тысячах, поняла, что наступили сумерки...

– Да где же это проклятое Лиходеево?! – стуча зубами, воскликнула она и огляделась, будто город мог прятаться

среди огромных елей и осин. Города не было, но казалось, что кто-то за ней наблюдает.

Василиса моргнула, потом еще раз. Затем потёрла глаза рукой в перчатке. Избавиться от ощущения чужого присутствия никак не удавалось.

«Волки?!»

Волков Василиса видела только в краеведческом музее, цирке и зоопарке, но, специально изучила вопрос о том, где она теперь будет жить и работать, и в этих местах их не видели лет сто.

– Да ну какие волки, в самом деле, – пробормотала она. Дикие собаки в её воображении выглядели куда страшнее и опаснее.

Как назло, снегопад зарядил с новой силой, к нему прибавился ветер. Через несколько метров, преодолеть которые ей удалось с большим трудом, внутрь закрался липкий страх, туда ли она вообще идёт. Выкинуть эти мысли из головы не удавалось, но Василиса упрямо брела вперёд, жмурясь и пытаясь укрыться от колких вихрей.

Началась какая-то совершенно невообразимая метель. Будто мир перевернулся, и только закон тяготения всё еще удерживал её на земле.

Если ей не удастся добраться до города, она погибнет. Её попросту заметёт! Василиса читала о подобных случаях. «Подснежников» потом находили только по весне. Нет, её, конечно, найдут раньше, потому что дорогу-то ведь почистят

рано или поздно, но она об этом уже не узнает.

Новый порыв ветра сбил её с ног. Василиса упала, руки до плеч провалились в снег.

– По... Помогите! Спасите! – пытаюсь перекричать завывания метели, проорала она.

Одинокая предательски-горячая слеза прочертила полосу на замерзшей щеке и скатилась за пазуху.

Мечта махнула крылом и... вдруг заметалась испуганной птицей в облаке яркого голубоватого света...

Глава 2

«Неужели, северное сияние?» – успела подумать Василиса, прежде чем закрыть глаза.

Окружавший её холод сомкнул объятия, надавил на темечко и зашептал на ухо: спи... спи... Василиса ещё пыталась встать, выкарабкаться из снежного плена, но руки и ноги стали вялыми, непослушными, а веки отяжелели.

...– Сюда, сюда, Глеб Данилыч! Нашёл! Вот оно... тело! Тёплое ещё!

Кто-то погладил её по голове вместо того, чтобы спасти, и этот факт её не на шутку разозлил. Ничего себе, тело он нашёл! А если тело ещё живое?! Эй, вы, пульс хотя бы проверьте!

– М-м-м... – вырвалось наружу из её замёрзшего нутра.

– Ой, Глеб Данилыч, кажись, жива!

– А коли жива, тащи сюда скорее!

Второй голос оказался глубже, раскатистее, и доносился откуда-то со стороны.

«Да тащи уже!» – мысленно взмолилась Василиса.

С одной стороны, ей было очень страшно, но с другой, умереть на полдороге к мечте было ещё страшнее. Ей бы только отогреться, прийти в себя, а там уж она за себя постоит, если что.

Её приподняли и действительно поволокли куда-то по

снегу. Затем её безвольное тело взмыло в воздух и осело в чьих-то крепких руках.

– Стучат зубы-то! – радостно заметил первый голос, потоньше. – А я сразу-то и не расслышал! Думал всё, и поминай как звали! Получается, успели, да, Глеб Данилыч? А то ведь окочурилась бы, если б не задрали!

– Тьфу на тебя, Володька! Разве ты негораздок какой, чтобы языком зазря мести? Молчком иди! Рядом они, ухи-то разуй!

Привалившись щекой к груди несущего её мужчины, Василиса слушала их разговор и чувствовала, как волосы шевелятся на голове. Но тут в носу защекотало. Мужик был одет во что-то меховое, и волосинки нещадно лезли ей в лицо. Чтобы не чихнуть и не выдать себя, она втянула губы поглубже в щель между зубами и чуть отвернулась. Полегчало.

– Вот ведь разиня, одна через лес попёрлась! – не унимался тонкоголосый. – Да ещё в ночь! И для кого только верховный указ писан?

– Свербигузка малолетняя, – согласился с ним басовитый.

Затем Василису поместили в темное нутро, по всей видимости, автомобиля, и усадили на лавку. Кажется, покушаться на неё никто не планировал.

– С-с-спасибо... – пробормотала она.

– О, гляди-ка, и голос прорезался!

Где-то под потолком зажёгся тусклый свет. Василиса обхватила себя руками, пытаясь согреться, но в то же время с

опаской разглядывала своих спасителей. А тут было на что посмотреть...

Первый – невысокий паренёк в кожаной, подбитой мехом тужурке, с выглядывающим из-под шапки светлым чубом. Лицо гладкое, румяное, ни дать ни взять, Лель из сказки про Снегурочку. А вот второй... Василиса облизала замёрзшие губы и поехала на лавке. А что, любая бы на её месте встрепнулась. Высокий, плечистый, со смоляными волосами, в парчовом кафтане, отделанным густым мехом. Эх, если бы она турецкие сериалы смотрела, то и сравнение бы точно нашла. Глеб Данилыч, значит? Ну-ну...

– Хорош в гляделки играть, – нахмурился тот. – Сиди, отогревайся покамест. Володенька, друг сердешный, помчали! Чую, рядом они!

Машина дрогнула и понеслась. Василиса удивленно смотрела, как её спасители прильнули к окнам, не обращая на неё внимания. Она не видела водителя, кабина, вероятно, была скрыта стенкой, как бывает в свадебных роллс-ройсах. Свет погас.

– А-а-а! Уйдут же, Глеб Данилыч!

– Гони, Володенька! Гони, родимый! Не уйдут волки позорные!

Машину ощутимо потрянуло, но Василиса этого не заметила, потому что её вдруг скрутило от истеричного смеха.

Мужчины обернулись.

– Я... я... – Василиса потрянула головой. – Будто фильм

смотрю, ей-богу! Вы же в курсе, какой, да? Но прикид у вас крутой! – подняла она палец вверх. – Артисты?

В темноте салона глаза Глеба Данилыча недобро сверкнули голубым, квадратная челюсть выдвинулась вперёд, густые тёмные брови сдвинулись к переносице, а сам он навис над ней будто коршун. Или орёл? У кого бывают такие мощные плечи?

Василиса вытерла выступившие от смеха слёзы. И тут от его взгляда её до самых печенок проняло, словно она кусок льда проглотила. Внутри стало и зябко, и как-то нервно, что ли...

– А что это у нас потерпевшая хохочет яки кикимора? – вкрадчивым басом спросил Глеб Данилыч.

– Я не кикимора! И не потерпевшая! – гневно вспыхнула Василиса. – Я вообще-то...

– Ты что же думаешь, в сказку попала?! – вновь окатило её ледяным холодом.

– Я вам за помощь, конечно, очень благодарна, но...

Глеб Данилыч взмахнул рукой перед её носом. Василиса хотела было возмутиться, но от неожиданности прикусила язык и замолчала. Так и сидела, глядя на него выпученными глазами, пока автомобиль нёсся сквозь лес.

– Эх, кажись, не успели, Глеб Данилыч! Как же так? Мы же их вот тут прям... – Володя вытянул руку и сжал пальцы в тощий кулак.

– Хорош пальцы гнуть. Девчонку надо в город свезти, а

то, не ровен час, дух испустит. Белая вся.

Василиса надула щёки и покрутила шеей. Внутри что-то закрипело. Видать, и правда промёрзла до самых костей так, что рот не открывается. Ужас! Одна надежда, что в Лиходеево есть специалисты, вроде невролога, и не придётся ехать куда-то ещё. Да, сначала надо явиться на службу, вручить рекомендательное письмо от колледжа, а потом сразу в поликлинику! Так, а где телефон?! Карман оказался пуст.

Она помахала рукой, привлекая к себе внимание, а потом приставила ладонь к уху: мол, мне бы позвонить.

– Спать вроде хочет, – понятиливо кивнул Володя.

– Ты откуда, горе луковое? – спросил Глеб Данилыч.

«Я тут вообще в первый раз!» – закатила она глаза и развела руками.

– Глеб Данилыч, может, вы её... это... ну... – влез в разговор Володя и похлопал себя по губам.

– Пусть молчком пока посидит, голова от неё болит. Давай к бабке её свезём, она её в разум быстро приведёт. А у нас ещё дел прорва.

Василиса издала сдавленный горловой звук, означавший, что ни к какой бабке она не хочет. Но её возражения никому не были интересны. Машина сделала крутой вираж, отчего Василиса не удержалась и повалилась на скамью.

Буквально через несколько минут автомобиль резко остановился. Двери раскрылись, и ей не оставалось ничего другого, как выйти вслед за мужчинами.

Метель всё ещё мела, Василиса замерла на полпути к воротам и задрала голову, вглядываясь в темные очертания городских стен и крыш.

– Иди, иди, отогревайся, будет тебе там и вода горячая, и похлёбка, и постель, – легонечко подтолкнул её в спину Глеб Данилыч. – Да не бойся, никто тебя не обидит. Постоялый двор – место проверенное. Завтра с утрачка домой потопашь.

Василиса побрела к калитке, а когда взялась за ручку, вспомнила про сумку. Она обернулась, но ни машины, ни спасителей в странных нарядах на пустынной улице уже не было.

Раз уж она не замёрзла в лесу, значит, не судьба замёрзнуть и в городе. Если эти ряженые привезли её сюда, надо пользоваться моментом. Скажет, что вещи и ценности остались у Данилыча, вот пусть он и платит за номер в гостинице, раз такой сердобольный! Мог бы и в больницу отвезти, это было бы правильнее!

Кто же они такие? Актёры? Охотники? Хрен разберёшь. Скоморохи, в общем. И то верно, время сейчас праздничное, колядки там всякие. Вот провинция и развлекается, кто во что горазд. У полиции эти дни – самая горячая пора.

Подогреваемая желанием помыться и выспаться, Василиса дёрнула калитку и вошла внутрь. О том, как она будет договариваться с администратором, даже не думала. Напишет на листке, в конце концов!

К большому бревенчатому дому вела утоптанная тропинка. Окна призывно горели, в воздухе отчётливо пахло жареным мясом.

Василиса прибавила шагу и, перепрыгнув через широкие ступени крыльца, ввалилась внутрь да так и застыла на пороге...

Глава 3

Вот бывает, мечтаешь о чём-то далёком и вдруг увидишь наяву, и всё в тебе разом вспыхнет яркими красками чувств и ощущений. Разум говорит: не может быть! А душа вопит: может, я именно этого и хотела!

Василиса отвела руку назад, нащупала дверную ручку и осторожно, будто боясь спугнуть прекрасное видение, закрыла входную дверь. В маленькой квадратной прихожей было темно, впрочем, очертания предметов угадывались из-за лившегося через полуоткрытую дверь жилой комнаты приглушенного света.

Нет, совсем не так она представляла себе гостиницу или, как по-дурацки называет её Глеб Данилыч: постоялый двор. Хотя, если честно, не особо она в этом разбирается, конечно. Однако всё, что видела до этого, с тем, что предстало перед ней сейчас, совсем не вязалось. Но это не умаляло восторга, что сейчас овладел ею.

На самом деле, ничего *эдакого* здесь не было. Обычная прихожая в обычной квартире. Вот вешалка, зеркало, коврик под ногами, в комнате бубнит телевизор:

«— Ты давай, определись, кто тебе нужен: доктор или следователь?

— А что, двоих, что ли нельзя?

— А как же третий, ради которого ты у меня шкурку взяла?

– Ой, нет. Он у меня теперь ассоциируется с неприятностями. Хотя, если честно, ты знаешь, что из этих неприятностей я сделала глобальные выводы!

– Какие?»

Василиса прижала руки к груди, прикрыла глаза и мысленно продолжила речь подруги Швецовой, Альбины: «Каждый, Маша, должен носить свою шкурку. И поэтому тебе от твоей прокурорской шкурки никуда не деться!»

Это было просто невероятно! Не раздеваясь, Василиса рванула вперёд и толкнула дверь. Если бы она могла говорить, то воскликнула бы: «Не может быть!», но смогла лишь восторженно промычать:

– М-м-м! М-м-м!!!

Это была квартира её мечты! Маленькая, уютная и тёплая. Кружевные занавески на окнах, круглый деревянный стол под вязаной скатертью, кресло-качалка с подушечкой и... огромным чёрным котом!

С экрана телевизионной панели на неё смотрела Мария Сергеевна Швецова. Ну, не прямо на неё, конечно, а обращаясь внутренним взором к тем неприятностям, которые им пришлось пережить вместе с Альбиной, но всё это произвело на Василису такое впечатление, что дыхание спёрло от переполнявших её счастливых эмоций.

Опустив руки, она стояла посреди комнаты и впитывала свою ожившую квартирную мечту. Не самую главную, но и не последнюю. Разумеется, когда-нибудь у неё будет своя

квартира, только область у них небогатая, и очередь на социальное жильё движется медленно. Горевать на этот счёт было глупо, всё равно дадут, она поэтому и не переживала: в служебном жилище можно отлично устроиться в ожидании своего. Без близких и родных, понятное дело, всё не так уж и радостно, но...

– Ох, ты ж, задержалась я чуток, прошу простить великодушно!

Звонкий женский голос раздался так неожиданно, что Василиса подскочила на месте и густо покраснела: пока она плялилась на чужие «хоромы», под её ногами образовалась лужица от растаявшего снега.

– М! – сокрушённо всплеснула руками Василиса и, словно цапля, перебирая ногами, шагнула к порогу.

– Ой, что ты, куда? – выставив перед собой замотанную в полотенце кастрюлю, женщина встала на её пути.

Была она невысокого роста, с большой, обтянутой водолазкой грудью, ладно сидящей на крутых бёдрах длинной юбке. Павлово-Посадский платок покрывал округлые плечи, в ушах мелодично позвякивали нанизанные на кольца монетки. Ровный пробор тёмно-русых волос, скрученных в «халу» на макушке, пухлые, в вишнёвой помаде губы, вздёрнутый нос пуговкой, брови дугой и... раскосые глаза. Вернее было бы сказать, косые. Оба они глядели в разные стороны.

«Должна быть в женщине какая-то загадка...», – промелькнуло в голове Василисы. Она посмотрела сначала на

правый глаз, потом на левый и признала, что в этом действительно что-то есть. Вроде изюминки. Двух изюминок. На ценителя, в общем.

– Ждала, пока маслице подтаает, – улыбнулась хозяйка. – А картошечка какая! Свойская! Рассыпчатая! У меня и селедочка есть, и огурчики солёные! И грибочки! И... – Она застыла, глядя на Василису. Ну, или вокруг неё, что, впрочем, не имело значения, потому что в комнате они были только вдвоём. – А к чаю я пирог испекла. С яблоками.

Василиса молчала, за неё ответил её живот. Приложив к нему руку, словно это могло утихомирить сидящее внутри голодное животное, она смущенно отвела взгляд.

– Значит, всё нравится? – зачем-то уточнила хозяйка.

– М-м-м... – недоумённо пожала плечами Василиса.

– Ах ты ж, вот я балда! – мигнув левым глазом Швецовой на экране, хихикнула женщина. Меж вишнёвых губ блеснуло золото. – Лукерьей Дормидонтовной меня зовут.

– Угу, – кивнула Василиса, продолжая топтаться на месте.

– Глеб Данилыч велел накормить, напоить...

На этой фразе её правый глаз нервно задёргался. Женщина обогнула Василису по дуге и водрузила кастрюлю на стол.

– Чего молчишь? Язык примёрз?

Василиса вздрогнула. В голосе учтивой хозяйки послышалась издёвка. Оно и понятно, обидно человеку. Распинаешься перед незванным гостем, а он тебе в ответ коровой мычит.

– Так ты не переживай, поправим. Что уж мы, не люди,

что ли? – она снова хихикнула. – Иди-ка сюда! Садись!

Василиса послушно села на стул. Наверное, массаж будет делать, подумала она, вздохнула и уставилась на экран, который продолжал транслировать приключения Швецовой. Лукерья Дормидонтовна встала за её спиной, бормоча:

– От же шутник, от же... чтоб ему... так же...

В чем-то Василиса была даже с ней согласна. Неприятный тип, хоть и спас её. Так-то, наверное, зря она про него, но...

– А-а!!!

Прянув губами, будто лошадь, Василиса качнулась вперёд и ухватила за край стола. Звон от затрещины, которой хозяйка огрела её по затылку, смешался с воплем, вырвавшимся из рта голубым дымком и искрами из глаз.

– Чего ж так орать-то? – похлопала её по плечу женщина. – Иди умойся, да ужинать приходи.

– Я... говорю! – выпучив глаза, воскликнула Василиса. – Говорю! Как это у вас получилось? Я же думала, к неврологу придётся идти, или к мануальщику! Вы понимаете, я шла-шла, а там снег! Метель! Думала, замёрзну! Я бы замёрзла, точно вам говорю! А тут они! Вот если бы их не было, я бы точно... А он такой: тело! Это я, значит, тело! Тёплое ещё! Представляете? И этот, который Данилыч, мне говорит...

– Ой-ё... – вскинув сурьмлённую бровь, покачала головой Лукерья Дормидонтовна и повозила пальцем в ухе. – Всё с тобой ясно. Иди умойся. Потом ешь, пей и спать ложись.

– Спасибо вам огромное, Лукерья Дармо... Домо... мидон-

товна! Я сейчас! Только ботинки сниму!

– Иди, иди! Туда! – махнула рукой хозяйка.

Василиса понеслась в указанном направлении. В маленькой ванной умылась, радостно взгляделась в своё отражение, высунула язык и пригладила волосы. Затем сняла куртку и ботинки, чтобы отнести их в прихожую. В комнате никого не было, зато на столе стояли все вышеозвученные блюда.

– Лукерья Дор-ми-дон-тов-на, а вы где? – крикнула Василиса.

Ей никто не ответил.

Она проверила прихожую, выглянула наружу, но тут же захлопнула дверь, чтобы не впускать холод.

На маленьком диванчике лежала стопка постельного белья, одеяло и подушка. А на полу – меховые тапочки с помпонами!

В носу защекотало от запахов варёной картошки, яблочного пирога и подступивших слёз.

– Мечты сбываются! – проморгавшись, прошептала Василиса и протянула руку к спящему коту.

Тот приоткрыл зелёный глаз, широко зевнул и громко замурлыкал. Шерсть у него оказалась мягкая, а усы длинные.

– Что же я у твоей хозяйки даже имени твоего не спросила? Ты кто? Барсик или Васька? А может, Бегемот?

Кот повёл ушами и перевернулся на другой бок.

Наевшись, Василиса ещё долго сидела перед телевизором, пока не стали слипаться глаза. Она всё ждала хозяйку, но

та так и не вернулась. За окном завывала вьюга, скребла по стеклам колкими снежинками.

Разложив постель, Василиса накинула цепочку на входной двери, постояла возле неё, прислушиваясь к царящей на улице вакханалии, а затем нырнула в постель, решив, что разобраться со всеми этими чудесами будет завтра.

– Спокойной ночи, Глеб Данилыч! Дорого же вам моё спасение встанет, – обхватив подушку, прошептала Василиса. – Инициатива, знаете ли, наказуема!

Большой черный кот подошёл к дивану. Муркнув, неведомо подпрыгнул и улёгся рядом с ней.

– Никуда я отсюда не уеду, – засыпая, улыбнулась Василиса. – Не дождётесь...

Глава 4

– Ку-ку! Кхе-кхе! Ку!

Василиса громко всхрапнула, открыла один глаз и уставилась на букет незабудок, коими пестрели обои. Судя по освещению, наступило утро, а по ощущениям... Кот сидел на спинке дивана и смотрел на неё высокомерным взглядом. Сразу вспомнилось, как ночью она пыталась обнять его, звала то Васенькой, то Барсиком, но тот всё время утекал, будто вода меж пальцев.

«Мр-р, мр-р... Мр-р-за...» – вибрировало в воздухе.

А потом ей приснился странный сон, в котором она танцевала с бубном в таком непристойном виде, что и вспомнить стыдно. Брякал бубен, брякали монисты в ушах, на шее, на руках и ногах, голый живот влажно блестел, бёдра, укутанные в шёлковые шаровары, соблазнительно извивались. Пахло дымом от костра, полынью и лошадьми...

«Откуда я знаю, как пахнут лошади?»

– Да я и бубна-то в руках не держала! Приснится же такое, тьфу!

– Ку!

Часы с кукушкой висели над телевизором, и теперь Василиса переключилась на них, пытаясь вспомнить, были ли они там вечером.

– Не помню... – обхватила она голову. Голова немного гу-

дела, но, в целом, работала как обычно.

– Мр-р-за! – Кот широко зевнул, показав розовую пасть и острые зубы. Затем стал умываться, старательно водя толстой лапой по такой же толстой морде.

Следуя его примеру, Василиса тоже потянулась, а потом вскинула руки, помахала ими на манер восточной танцовщицы и даже похлопала в ладоши.

Кот наморщил усы и подёргал загривком.

– М-да, танцы с бубнами точно не моё, – признала она и вылезла из постели.

Нужно было привести себя в порядок и отправляться на поиски городского отдела полиции. На работу, в общем. Окинув полным сожаления взглядом комнату, она вздохнула. Уходить не хотелось. Интересно, сколько стоят сутки на этом постоялом дворе? Однако глупо рассчитывать на то, что её зарплаты стажёра хватит на съём столь приятных глаз апартаментов. Но служебную площадь ей обязаны дать, это было одним из условий стажировки.

Успокоив себя таким образом, она включила телевизор и пошла в ванную, оставив дверь открытой.

«– В татарской аристократической системе было много различных титулов, например, высшим титулом после хана был «карачи», затем «бек», «султан», по-русски их называли царевичами, «улан», «гурген» и другие, но все они при переходе в русскую систему назывались лишь двумя терминами — князьями и мурзами.»

Зажав во рту зубную щётку, которая вместе с пастой предлагалась к заселению, Василиса выглянула из ванной.

По телевизору шла какая-то историческая передача. Два лохматых и бородатых типа увлечённо обсуждали интересную им тему.

«— Сам термин мурза или мирза был заимствован в тюркскую титулатуру из персидского языка.

— Согласен, но добавлю, что титул мурза или мирза происходит от амир-зада, то есть сын амира. А амир — от арабского «эмир», то есть «князь». В качестве воинского звания мурзы были на один ранг ниже эмиров.»

— Мурза, мирза, какая разница? — закатила глаза Василиса.

Кот выгнул спину и, метнув в неё испепеляющий взгляд, вцепился когтями в обивку дивана. Раздался громкий треск.

— Надеюсь, тебе за это ничего не будет, — хмыкнула Василиса и вернулась в ванную.

Приведя себя в порядок, она подошла к входной двери, сняла цепочку и выглянула наружу.

Всё так же шёл снег, но сегодня он её совершенно не пугал. По улице ходили люди и ездили машины. Настроение было приподнятым, разве что немного пугало предстоящее объяснение с хозяйкой гостиницы. Надо было ей еще вчера признаться, что денег в обрез и заплатить за номер она не сможет.

— Все вопросы к Глебу Данилычу, — несколько раз повто-

рила Василиса, готовясь к встрече с хозяйкой.

Та не заставила себя долго ждать. Стукнув для порядка пару раз, вошла с подносом и с неизменным платком на плечах. Правда серьги в этот раз оказались с рубинами.

– Доброе утречко! – пропела Лукерья Дормидонтовна, выставляя на стол тарелку с горячими блинами и пузатый фарфоровый чайник. – Как спалось?

Открыв от удивления рот, Василиса смотрела то на неё, то на входную дверь. Получается, хозяйка пришла с улицы. Но на ней не было ни кофты, ни шубы, ни самого что ни на есть дохленького пуховичка.

– А... – показала она пальцем на дверь.

– Завтракайте! Выселение через полчаса, – объявила хозяйка.

– Ага... – Василиса сглотнула. К блинам прилагались сметана, малиновое варенье и варёная сгущенка.

– Надеюсь, вам у нас понравилось! – Лукерья Дормидонтовна собрала оставшиеся после ужина тарелки и глянула левым глазом на часы с кукушкой. – Ох ты ж, времени-то! И как всё успеть?

Василиса восприняла её слова как призыв к действию. В конце концов, съеденные блины не воротишь назад, когда речь зайдёт об оплате.

– Вкусно! Ооооо-ооооо! – запихнув щедро обмазанный сметаной и вареньем блин, похвалила она.

– Вот и славно! Кушайте на здоровье! Увидите Глеба Да-

нилыча, кланяйтесь за меня. И уж непременно скажите, что всё понравилось.

– Ну, это вряд ли, – хлебнув ароматного крепкого чаю, ответила Василиса. – В смысле, встречаться я с ним не планирую. Но рекомендовать ваш, э... отель обязательно буду!

Лукерья поставила поднос и склонилась к ней:

– Всенепременно скажите, что всё понравилось! – повторила она будто бы не своим голосом.

– Ладно, ладно, – отпрянула Василиса. – Если увижу. Честно говоря, не очень-то хотелось. Между прочим, он вас бабкой называет, а как по мне, так это совсем уж неприлично. Вы вон... молодая, можно сказать, женщина. А он мне, незнакомому человеку... про вас... такое... Вот даже из чувства женской солидарности неприятно.

Лукерья Дормидонтовна распрямилась, склонила голову к плечу и пробормотала, обращаясь к коту:

– Вот так-то вот. Молодая ишшо! А не вот это вот всё!

– Конечно, молодая! И красивая! – добавила Василиса. – А что насчёт... оплаты?

– Так всё уплочено, милая! Кабы каждый-то так платил, а? Эх, и хорошо бы мне жилось! Считай, одно доброе слово, а часик-то к жизни прибавил!

– Интересная арифметика. Если бы так-то, – усмехнулась Василиса. – Я бы тоже не отказалась.

– Кто бы предложил, да? – хихикнула хозяйка, сверкнув золотым зубом. – Пойду. Мне ещё десять караваев испечь

надо. Через час банкет. Ванька, племянник, женится. Гости уже съезжаются.

– О, поздравляю!

– Да было бы с чем. С одной ведьмой развёлся, другую нашёл. Дурак, одним словом. – Сплюнув, Лукерья Дормидонтовна взяла поднос и кивнула коту: – Пойдём, Мурзик, поможешь.

Выгнув здоровенный хвост и горделиво переступая лапами, кот направился к двери. Вместе с хозяйкой они вышли из квартиры.

– Мурзик... – Василиса глянула на экран и нахмурилась. Там снова шли «Тайны следствия».

– Ку! – высунулась из домика кукушка.

– Да, пора и честь знать, – отмерла Василиса. Вытерев губы полотенцем, она вылезла из-за стола. – Эх, надо было спросить, где полиция. А, ладно, не заблужусь.

Обувшись, она еще раз обвела взглядом своё временное, но такое уютное пристанище.

– До свидания, Марья Сергеевна! – помахала экрану и закрыла за собой дверь.

В «кармане» перед воротами стояло несколько машин, из которых выходили нарядные люди. Василиса задержалась, разглядывая гостей. Играла гармошка, из крытого «уазика» вывели медведя в красной жилетке. Несколько цыган и цыганок, радостно переключаясь, тащили охапки цветов.

– Ну и ну... – вскинув брови, таращилась на них Василиса.

А когда увидела невесту, то просто ахнула. Высокая, статная, в белом сарафане, с жемчужным кокошником на голове, ни дать ни взять, царевна-лебедь!

– Чё вылупилась? – зыркнула на неё невеста.

– Ведьма, – не осталась в долгу Василиса и отвернулась.

Свадебная процессия вошла во двор и направилась к избе. Вместе с медведем и цыганами, гости поднялись в дом.

– Эй... А вы куда? – вздрогнула Василиса. В голове не укладывалось, как вся эта толпа могла поместиться в её маленькой квартирке. Ну, не идти же проверять, в самом деле?

– На работу надо... – закусив дрогнувшую от обиды губу, она пнула калитку и отправилась на поиски городского отдела полиции.

Глава 5

«Город как город», – признала Василиса, шагая по улице. Пока гостиница ещё была в зоне видимости, она несколько раз останавливалась, наблюдая, как у ворот останавливаются автомобили. Приглашённые на банкет гости, а, судя по их нарядам и букетам, это были именно они, торопливо семенили к калитке и скрывались внутри.

В конце концов Василиса решила, что просто плохо осмотрела своё недавнее жилище на предмет других дверей. И всё же интуиция подсказывала, что что-то здесь не так. Где-то она ошиблась, пропустила важную деталь, и теперь без неё правильная картинка не хотела складываться.

Хорошо, что находится она именно в Лиходеево. В этом вопросе сомнений не возникало. Миновав улицу Залесную, она вышла на Министерскую и увидела рекламную растяжку у проезжей части.

– Не буди лихо, пока оно тихо. Десять процедур по приятной цене. Имеются противопоказания. Необходима консультация сомнолога. Адрес: Лиходеево, Цветочный переулок, дом десять. – С минуту Василиса изучала стенд, а когда мимо проходила женщина с пакетом, из которого торчал хвостик ананаса, окликнула её: – Извините, а Цветочный переулок далеко отсюда?

– Остановок пять. Или шесть, – на бегу ответила та.

– Или шесть, – кивнула Василиса. – А центр там?

– Там, – торопливо отмахнулась женщина.

Василиса накинула капюшон и зашагала вперёд. Хотелось немного оглядеться и привыкнуть к городу. Вот в заснеженном скверике стоит памятник Пушкину, а там – медленно ползёт по дороге снегоуборочная машина. Откуда-то доносится звонкий детский смех и лай собак. Первые этажи заняты магазинами и пунктами выдачи интернет-заказов.

Наверняка и отдел полиции, как и большинство муниципальных организаций, находится именно в центре. Вот если бы она, скажем, оказалась в какой-нибудь зарубежной стране, в Стамбуле или, например, в Риме, то точно бы заблудилась. А тут бояться нечего: Россия! Всё знакомое, родное. Пушкин, опять же. Он ведь наше всё, и даже больше. Там, где Пушкин, ничего плохого произойти не может.

– У лукоморья дуб зелёный, золотая цепь на дубе том. И днём, ночью кот учёный, – она улыбнулась, вспомнив Мурзика, – всё ходит по цепи кругом!

Шагать стало веселее. Но уже хотелось чего-нибудь горяченького.

Заметив пекарню, Василиса завернула к ней, решив выпить кофе и перекусить чем-нибудь сладеньким. Хотелось немного порадовать себя. Потому что было очень жаль сумку с одеждой и телефон. С одной стороны, Данилыч с Володиёй её спасли, а с другой, возникал резонный вопрос: почему они её спасли, а вещи бросили?

«А что, если они их присвоили?!» – мелькнула шальная, но вполне здравая мысль. Что, если, пока она радовалась бесплатному ночлегу, они делили добычу?

– Моему телефону цена три копейки, – открывая дверь, пробормотала она. Но форменное обмундирование было действительно жаль.

«Как только устроюсь, попрошу пробить номер, может, запеленгуют, – направляясь к витринам, составляла она план дальнейших действий. – Я же не могу без телефона, так? Так. И вещей у меня нет. Должны помочь новому сотруднику, я читала. Стыдно, конечно, но что делать? А вдруг этот Глеб Данилыч – вор-рецидивист? Или из психушки сбежал?»

От вкусных ароматов у неё затрепетали ноздри. А когда пекарша выставила поднос со свежей горячей выпечкой в виде шаров с шоколадными глазками, Василиса прижала ладони к груди и пролепетала:

– Ой, что это за чудо?

– Колобок, двадцать пять рублей штука.

– Колобок, колобок, я тебя съем! – облизнулась она. – Дайте один, пожалуйста! И попить чего-нибудь.

– Сок яблочный, морс ягодный, вода колодезная.

– Хм, а кофе есть?

– Кофемашина в ремонте.

– Тогда дайте горячий чай!

– Индийский со слонами подойдёт?

– А без слонов есть?

– Зелёный, с лимоном.

С подносом в руках Василиса отстояла небольшую очередь и расплатилась. Все столики оказались заняты. Она уже подумала было, что зря взяла чай, теперь придётся пить его стоя, но в этот момент лежащий на картонной тарелочке румяный колобок вдруг каким-то совершенно невообразимым образом завертелся, закрутился и, спрыгнув с тарелки, покатился по полу через всё кафе.

– Эй! Ты куда! – обалдела Василиса.

– Галя, у нас отмена! – рявкнула кассирша.

– Возьмите лучше расстегай с рыбой, – вздохнула пекарша. – С этими колобками одни проблемы.

– Сама не понимаю, как так получилось, – расстроилась Василиса. – А расстегай дорогой?

– Так берите. Приятного аппетита.

Выпив чай, Василиса завернула расстегай в салфетку, сунула его в карман и вышла из кафе. Перед глазами всё ещё мелькал румяный бок колобка и аппетит куда-то улетучился.

– Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл...

Впрочем, вскоре она уже забыла об этом недоразумении. Оказавшись на городской площади, Василиса остановилась перед зданием лихоевского театра и с детским восторгом разглядывала колонны и портик. Затем обошла круглые тумбы с афишами.

– Снегурочка... опера в четырёх действиях с прологом...

Она склонилась ближе, рассматривая красочные сцены и

поймала себя на том, что пытается найти среди действующих актёров Глеба Данилыча. А что, он бы вполне вписался сюда. Но нет, его среди них не оказалось. Не было его и в «Отелло».

«А костюмчик-то похож...» – вернувшись к «Снегурочке», провела она пальцем по шершавой поверхности.

– Всё хватит прохлаждаться! Иди уже на работу! – приказала она себе, а мысленно представила, как будет ходить на каждую премьеру.

Если, конечно, задержится здесь и сработается с коллективом.

– Обязательно сработаюсь!

Отдел полиции и правда оказался неподалёку, как подсказала ей кормящая на площади голубей одна вредная старушка. Прямо так и сказала: иди, мол, туда, не знаю куда, глаза разуй, там вывеска висит.

Немного поплутав в белоснежном мареве между домов, Василиса наконец обнаружила небольшое каменное здание с миленьким балкончиком на втором этаже.

– Городской Отдел полиции и быстрого реагирования города Лиходеево, – прочла она надпись на металлической вывеске и, оглядевшись по сторонам, потянула на себя тяжёлую дверь.

Её встретил молоденький дежурный. Удивился и даже привстал.

– Вы к кому?

– В отдел кадров, – потопав ногами на коврик, чтобы сбить снег, отпрапортовала Василиса. – Устраиваться на работу. Меня ждут.

– Вас ждут? – недоверчиво уточнил паренёк.

– Меня. Можете сами у них спросить. Василиса Ивановна Найдёнова.

– Уборщицей?

От подобного предположения у неё аж дыхание перехватило. Не то чтобы она считала работу уборщицы недостойной, но не на неё она потратила в колледже почти четыре года своей жизни!

– У меня рекомендательное письмо. Прибыла в Лиходеево на стажировку.

Уши паренька стали пунцового цвета.

– Хм... На стажировку? Говорите, вас ждут?

– Естественно! – всплеснула она руками. – Позвоните уже наконец в отдел кадров!

– Не могу, – покачал он головой. – Связи нет. И отдела кадров тоже...

– В смысле? Он в другом помещении? Так скажите, куда идти, я тогда сейчас...

– У нас его вообще нет.

– А как же вы регулируете... э... процессы прибытия и отбытия членов трудового коллектива?

Паренёк моргнул и приподнял подбородок:

– Это секретная информация.

– Ясно. Тогда направьте меня к тому, кто решит мой вопрос о трудоустройстве! – Василиса ощутила, как нервная волна пробежалась по телу. – Пожалуйста.

Хотелось добавить, что ей негде ночевать и вообще... но не обсуждать же это с дежурным, в самом деле?

– А документы у вас есть? – спросил он. – Без документов нельзя. В городе сложная обстановка.

– Вот как? Интересно! А что случилось? – она расстегнула молнию пуховика. В нагрудном кармане лежали паспорт и письмо.

– Секретная информация! – упрямо повторил молодой полицейский.

Василиса положила перед ним паспорт и шмыгнула носом. Прогулка оказалась насыщенная, теперь хотелось в туалет и на батарею.

– Ну... вроде всё так, – сверили её лицо с фотографией. – Сейчас уточню, кто вас там ждёт. Здесь стойте.

– Стою, – вздохнула Василиса.

Полицейский передал ей паспорт и резво поднялся на второй этаж по укрытой красной дорожкой лестнице, а она подошла к информационному стенду.

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Наша задача сделать дело так, чтобы не пришлось переделывать!» – прочла она.

Наверху послышался какой-то шум, хлопнула дверь, прогрохотали тяжелые шаги.

– Не знаю я никакой Найдёновой! Никого я не приглашал!
Пусть катится к чёртовой бабушке!

Василиса ахнула, едва не выронив паспорт.

– Да как так-то?! Нет, так дело не пойдёт! – сжав кулаки, она понеслась тем же путём, что и дежурный, на поиски своего нового руководства.

Глава 6

Она бежала, бежала, бежала... но... лестница никак не заканчивалась!

От мелькания ступенек закружилась голова. Василиса не удержалась, скатилась вниз и осела на пятую точку.

– Что за... – Тяжело дыша, она поднялась и посмотрела вверх.

– Вы что-то перепутали, гражданочка. Никто вас не вызывал, – появился через минуту дежурный.

Пытаясь осознать и его слова, и что только что с ней произошло, Василиса лишь хлопала глазами и потирала ушибленное место.

– Идите домой. Выспитесь, – посоветовал ей дежурный.

Ей определённо нужно было прийти в себя, успокоиться, собраться с мыслями и придумать, что делать дальше.

«Психиатрическая комиссия признала меня годной к службе. Они же не могли ошибиться?»

Ничего не ответив, она вышла из здания и остановилась на тротуаре. Глубоко вдохнув свежий воздух, потёрла виски.

– Я ведь не сошла с ума?

Она скосила глаза сначала направо, потом налево. Город жил своей жизнью. Мимо проходили занятые своими мыслями и планами люди. На площади перед театром загорелись фонари. Ветра не было, снежинки вальсировали и кружи-

лись в хороводе, напоминая огромных бабочек. Вокруг старухи выхаживали жирные голуби...

Василиса вздрогнула, когда увидела, как женщина склонилась над одной из птиц. Было в её движении что-то такое, что привлекло не только её внимание, но и заставило сделать первый шаг. Затем Василиса припустила вперёд, ещё толком не понимая, зачем это делает.

А когда заметила в руке старой женщины блеснувшее лезвие ножа, заорала:

– Эй! Эй, вы что творите?!

Странно, что прогуливавшиеся на площади люди не замечали очевидного. Они и на её крик не обратили ровным счётом никакого внимания. Вероятно, падающий снег глушил её голос, но старуха-то уж точно её услышала. Повернулась и оскалилась, сузив и без того запавшие в глазницах глазки.

– Что б тебе пусто было, михрютка подзаборная! – прошамкала она.

Нога подвернулась, и Василиса взмыла в воздух, а затем со всего размаху шарахнулась оземь. Раскинув руки, она хватала ртом воздух вместе со снежинками, повторяя про себя: «Михрютка... подзаборная...»

– Ой, девушка, вы не ушиблись?

К ней подбежали молодая женщина в пуховом платке, а следом – мужчина в очках.

– Вы это видели? Вы это слышали? – бормотала Василиса, пока они помогали ей подняться.

– Что видели?

– Старуху с ножом?

Женщина испуганно ойкнула и выпустила её плечо. Мужчина пощёлкал перед её глазами пальцами.

– Она вот тут была, голубей кормила! – Василиса отвела его руку и искала взглядом старуху. Но той и след простыл.

– Ничего я не видела, – настороженно ответила женщина и отошла подальше. – Может, вам скорую вызвать?

– Нет, не надо. Спасибо! – представив, какое впечатление сложилось о ней у сердобольных прохожих, Василиса тяжело вздохнула.

Оглядываясь, мужчина и женщина ушли. Что делать дальше, было непонятно.

– А что тут непонятного, – отряхнулась она и зашагала обратно к управлению. – Я вас выведу на чистую воду! Вот прям на колодезную! Думаете, на вас управы нет? Ошибаетесь! Я министру МВД напишу! У меня, вообще-то, рекомендательное письмо! Я, вообще-то, отличница! У меня так-то КМС по лёгкой атлетике!

Горячие слёзы застилали глаза, но она не дала пролиться ни единой слезинке. Дёрнув на себя дверь, ворвалась внутрь и срывающимся голосом крикнула дежурному:

– Вот вы тут сидите, а там голубей режут!

– Голубей? – вздрогнул он.

– Да! Прямо на площади! Я, конечно, понимаю, пенсии маленькие, но ведь не до такой же степени? В центре города!

Рядом администрация, дети! А голубь, на минуточку, символ мира! Давайте ещё лягушек начнём есть!

– Ля-лягушек?! – выпучил он глаза.

– Говорю же, на площади перед театром какая-то стару... пожилая женщина охотится на голубей! Может, она из психушки сбежала? С ножом! Вот таким! – она развела руки в стороны.

– А как она выглядит? – нахмурился дежурный.

– Жутко!

– А поподробнее?

– То есть, ножа вам недостаточно?! – Василиса подёргала шеей и выгребла попавший за воротник снег. – Она такая, в каракулевой шубе и... шипит, послала меня нехорошими словами. Я упала, а потом...

– Стойте здесь, никуда не уходите!

Дежурный напялил на голову фуражку и выбежал за дверь.

– А я, собственно, никуда и не собираюсь, – хмыкнула Василиса и с опаской покосилась на лестницу.

Через мгновение у неё созрел план. Ну, может, план и выглядел идиотским, однако, закусив губу, Василиса шагнула к лестнице и остановилась. Затем дотронулась до перил. Перила были железными, а лестница деревянная.

– Была не была! – прошептала она и оседлала узкую перекладину. Зажмурилась, ожидая очередного падения, но ничего не произошло.

Рисковать она не собиралась, бедный копчик и так напоминал о себе, но кто не рискует... Сцепив пальцы вокруг перила, Василиса сдунула упавшую на лоб прядь. Пословицу про риск и шампанское она знала. Знала целиком. Преподавательница русского и литературы всегда повторяла её перед экзаменами: «Учите предмет и надейтесь только на свои знания! Кто не рискует, тот не пьёт шампанское, а кто рискует, тот без штанов домой уходит. В вашем случае, без диплома.»

– Дома у меня нет, а штаны на мне. Ну, всё, понеслась!

Перебирая перед собой руками, она полезла вверх. Особого труда это не составило, но, когда она уже была близка к площадке, после которой лестничные марши расходились в обе стороны, замигал свет и завывала сирена.

«Тринадцатый уровень опасности! Группа быстрого реагирования на выход!» – повторял бездушный голос.

Наверху захлопали двери.

Времени на отступление не было. Василиса перекинула ногу и повисла на перилах с другой стороны.

– Врёшь, не возьмёшь... – Она стиснула зубы, решив, что не отцепится, пока её не выслушают. Пусть хоть перила вместе с руками отрывают, она никуда отсюда не уйдёт!

От воя сирены уши в трубочку сворачивались, а от светового мельтешения рябило в глазах. Мимо неё пробежали несколько пар ног, она не успела, да и не смогла бы их сосчитать, так как произошло это за пару секунд.

Группа быстрого реагирования была действительно быст-

рой. Двери громыхнули и в холле городского Отдела полиции воцарилась тишина.

Василиса качнулась, задрала ногу и снова оседлала перила.

Красные лампочки мигали ещё какое-то время, а потом включился тусклый голубоватый свет.

Добравшись до второго этажа, Василиса слезла и затрясла руками. Тело гудело, спина взмокла. Однако убеждённость в своей правоте перекрывала все неприятные моменты. Она сделала шаг, за ним ещё один. Пол остался на месте.

– Слава богу! На карачках я ещё сегодня не ползала! – воскликнула она и тут же зажала рот, чтобы не сглазить.

Длинный коридор был совершенно обычным, по обе стороны находились двери. Между ними висели плакаты с фотографиями.

– Ну и морды... – всмотрелась она в черно-белые и цветные снимки. – Наум Горыныч Голова, пироман... Людмила Патрикеева, воровка на доверии... Евдокия Стрига... мошенница в особо крупных размерах...

В недоумении Василиса потёрла лоб и подошла к первой двери. Её венчала золотая табличка: «Руководитель Следственного отдела, начальник городского Отдела полиции, полковник Г. Д. Метелица»

– Гэ, дэ... – Василиса сложила руки на груди и приподняла бровь. – Ну и гад же вы, товарищ полковник! В лицо я вам, конечно, этого не скажу, но поговорить нам всё равно

придётся. Если уж беспокоить уважаемого человека, так надо ему сказать что-нибудь интересное, чтобы он по ночам не спал!

Следующая дверь вела в комнату отдыха. И это было как нельзя кстати. Пока группа быстрого реагирования реагировала, ей, как их будущему коллеге, а Василиса в этом несколько не сомневалась, требовался хотя бы минимальный отдых.

На первый взгляд комната казалась самой обычной: довольно вместительный диван, перед ним накрытый простенькой скатертью стол, встроенные шкафы и раковина.

– Холодильника не хватает, – вздохнула Василиса. Во всех комнатах отдыха в полицейских отделениях, куда их водили во время учёбы, всегда был холодильник.

Она рухнула на диван и вытянула многострадальные ноги.

– Сейчас бы съесть чего-нибудь, – признала она и провела ладонью по льняной скатерти.

– Чего изволите?

– А! Кто здесь?! – Василиса поджала ноги и испуганно огляделась.

– Заказывать что будете?

– З-заказывать?

– Откуда ж ты тут такая непонятливая? – раздражённо произнёс женский голос.

– А чего сразу обзывать-то? Вы – умный дом? Алиса?

– Матрёна я! Ну, заказывай, что ли! У меня дел много!

– В смысле, поесть?

– Так я и выпить налью.

– Нет, у меня, знаете ли, тоже дела. И их надо на трезвую голову решать. А что можно заказать?

С минуту царила тишина.

– Эй! Вы где? – хлопнула по столу Василиса.

– По голове себе постучи! Здесь я.

– Как насчёт супчика? Любого, я не привередливая.

– Гороховый пойдёт?

– Э... есть ещё варианты?

– А говоришь, непривередливая! Харчо!

– Пф-ф... ладно, пусть будет харчо, – смирилась Василиса.

– И хлеба, пожалуйста. С маслом. А ещё...

– Овса бы тебе, да овёс нынче дорог. Руки помой!

– Ой, точно, совсем забыла!

Василиса метнулась к раковине, а когда повернулась, на столе уже стояла тарелка и разрезанный вдоль багет с маслом.

– До чего дошёл прогресс! – восхитилась она.

Усевшись за стол, она взяла в одну руку ложку, а в другую половинку багета. Ноздри щекотал сытный запах мясного бульона и свежей зелени.

– Лепота... – сглотнула Василиса и открыла рот.

Но тут распахнулась дверь и по комнате пронёсся снежный вихрь...

Глава 7

Снежный вихрь пронёсся по комнате, в распахнутую дверь ввалились трое мужчин, которых Василиса, разумеется, сразу узнала.

– Матрёна! – топая сафьяновыми сапогами, гаркнул Данилыч.

– Ась? Туточки я, Глеб Данилыч! – елеинным голоском отозвалась местная «Алиса».

– Ставь самовар!

– Уже бегу!

– Давай-давай, шевели копытцами! – громогласно захохотал Данилыч, развернулся и...

Лицо его вытянулось, густые брови сошлись на переносице.

– Матрёна!!!

От его крика оконные окна и потолок покрылись изморозью. В комнате отдыха стало так холодно, что на водопроводном кране повисла сосулька.

– Уже кипячу, Глеб Данилыч! Что ж вы сразу ругаться-то? Не извольте беспокоиться, всё будет в лучшем виде!

– Что здесь происходит? – уперев руки в бока, Данилыч заскрежетал зубами.

Володя и дежурный стояли с такими же недоумёнными физиономиями. Немая сцена напоминала разом и картину

«Три богатыря», и сказку о трёх медведях.

Вытянувшись в струнку, Василиса опустила глаза на подёрнувшийся ледяной коркой суп и, стараясь хоть как-то сохранить лицо, сдавленно произнесла:

– Предвосхищая ваши вопросы на тему: кто сидел на моём диване и кто ел из моей тарелки, ответственно заявляю: да, это я!

Она привстала, но от напряжения у неё затряслись колени, а губы еле шевелились. И с чего она решила, что в данной ситуации лучшая защита – это нападение? Быка, конечно, следовало сразу брать за рога, но сейчас она и ложку-то едва удерживала в руке. Рухнув обратно на диван, она умолкла.

– Ну и чудеса, Глеб Данилыч! Понятия не имею, как она сюда попала! – доложил дежурный.

– Иди на пост, Алексеюшка. С этим чудом-юдом мы сами разберёмся... – Синий взгляд Данилыча не предвещал ничего хорошего.

Мужчина прислонил серебряный посох к стене и расстегнул парчовый кафтан. Воздух вокруг него заискрился, замерцал, словно миллиард маленьких звёзд вдруг решили вернуться обратно на небо.

– М-да... вот уж точно, чудо-юдо, – цокнув языком, покачал головой Володя. – Ничего его не берёт. Ни сугроб, ни волки.

– Матрёна! – снова рявкнул Данилыч. – Какого хрена?

– Ась? Хренку желаете? Одномоментно! Так бы сразу и

сказали! Сейчас по сусекам поскребу, кажись, холодец ещё оставался. А, может, заливной рыбки? А вместо чая-то стопочку для сугреву и...

– Цыц! – будто поймав в воздухе муху, сжал кулак Данилыч. – Меня слушай! Ты чего это тут банкеты устраиваешь в наше отсутствие, вместо того, чтобы доложить о инородном проникновении?

– Так ить чужие здесь не ходят, батюшка! Или я чего не поняла?

– Да ведь так и есть, товарищ полковник. Откуда же Матрёне знать, кто это? Мы и сами не знаем, – заметил Володя.

– А должны бы знать!

Быстрым движением Данилыч взял стул и, раскинув полы кафтана, оседлал его. Сложив руки на спинке, не мигая воззрился на Василису.

– Ты откуда свалилась на мою голову?

– Я не свалилась... Я по распределению... И вообще не к вам, а к Га... Ду... то есть, к полковнику Метелице... Ой! – ахнула Василиса. – Так это вы полковник Га Дэ Метелица?!

Со стороны Володи послышался сдавленный смешок.

Стул под полковником жалобно скрипнул.

– У меня письмо. Рекомендательное, – Василиса торопливо полезла в карман. – Я дежурному говорила. А вы... вы сказали, чтобы я катилась к чёртовой бабушке!

– Кстати, о бабушке, – Данилыч поманил Володю. – Свяжись с Лукерьей и выясни, что там и как. Нет, погоди, я сам.

– он снова развернулся к Василисе. – Сегодня же отправишься обратно, выдумщица!

– Куда?

– Да хоть в сугроб!

Василиса закусила губу и часто-часто задышала.

– Глеб Данилыч, сегодня не получится, – сказал Володя.

– И завтра, скорее всего, тоже. Вы ж сами знаете, какая обстановка.

Изо рта полковника вырвался глухой рык.

– Я никуда не поеду! – почувствовав поддержку, срывающимся голосом заявила Василиса. – И я не выдумщица! Вот письмо! – она шмякнула сложенный лист на стол.

– Да что ж сегодня такое творится! – взвыла Матрёна. – Все бока отбили!

– И-извините... – вжала голову в плечи Василиса.

– Цыц всем! – Данилыч покосился на письмо, скривился, будто сожрал лимон, но всё-таки взял. Развернул и скривился ещё больше. Володя склонился над его плечом.

– ...Найдёнова... отличник строевой и боевой... направляется... тыр... пыр... мыр...по согласованию... испытательным сроком... на усмотрение... Вот! На усмотрение! – Данилыч победно оскалился и потыкал в бумагу пальцем.

– После прохождения практики, – негромко уточнил Володя.

– Тьфу ты, напасть какая! Они там что, с дуба рухнули?! – дёрнув плечом, зыркнул на него Данилыч.

Тот лишь развёл руками:

– Вот и подпись, и государственная печать. Лицензия, опять же.

– Твою ж евпатий коловрат! – закатил глаза полковник.

– Глеб Данилыч, с нами дамы.

– Дамы?! – взвыл полковник. – Вот именно! Дамы!

Василиса шмыгнула носом, отвернулась и тихо всхлинула.

– Мне ещё соплей тут не хватало! – Данилыч поднялся и поскрёб подбородок. – Ладно... Это мы порешаем... Переночуешь и...

– К чёртовой бабушке, да? – отбросила ложку Василиса.

– Глеб Данилыч, а может... – Володя что-то зашептал полковнику на ухо.

– Я сказал нет, значит, нет! – отрезал тот. – Завтра же!

– Ну, давайте завтра и поговорим, – согласился Володя.

Не глядя на Василису и зажав письмо в кулаке, полковник вышел из комнаты отдыха и громко хлопнул дверью. Сосулька сорвалась, громко дзынькнув о дно раковины.

– Ох-хо-хонюшки, – скорбным голосом отозвалась Матрёна. – Самовар-то ставить? Нервов на вас нет!

– Отдыхай покамест, – отмахнулся Володя и посмотрел на Василису. – В шкафу микроволновка есть, суп погреть. И не обижайся. Данилыч, он такой, практикантов жуть как не любит. Говорит, глупые, всему учить надо.

– А как же мне тогда всему научиться? Я вот это всё... –

Василиса кивнула в сторону оставленного у стены посоха, – впервые вижу! Сначала думала, с ума сошла, а потом поняла...

– Что поняла? – Володя взял её тарелку, открыл шкаф и поставил её в микроволновку. Та привычно загудела.

– Ну, что я, наверное, погибла? Замёрзла в лесу... И теперь мне всё это кажется... Фантомная память?

Володя достал харчо и поставил перед ней. По комнате вновь поплыл густой аромат.

– Приятного аппетита, – улыбнулся он.

– Спасибо, – Василиса помешала суп и поднесла ложку к губам. – Ай! – Высунув кончик языка, она зашипела. – Горячий!

– Ешь-ешь, фантомная память. Грейся.

Володя сел на стул и точно так же, как Данилыч, сложил руки на спинке.

– Ты сама-то откуда?

– Из Тамбовской области, – глотая суп вместе со скопившимися слезами, ответила Василиса.

– А я из Питера.

– Из Питера? – отвлеклась она от еды. – А как ты сюда попал?

– Как, как, по распределению. Три года назад прибыл сюда таким же практикантом.

– Но как же... – Василиса схватила застывший багет и постучала им по столу.

– Караул! – завопила Матрёна. – наших бьют!

– Простите, я нечаянно! Получается, ты тоже... – понизила голос Василиса.

– Что тоже?

– Ну... как бы объяснить...

– У тебя родня есть?

– Нет. Никого нет, – покачала головой Василиса. – И возвращаться мне некуда.

– М-да, ситуация...

– Я же как думала? Пройду практику и останусь здесь работать. Жить... Город мне очень понравился... театр, все дела... Лес... Почему я вам не подхожу, а?

– Понимаешь, ты девушка, а девушкам в нашем деле трудно. Данилыч считает, что им, то есть, вам, тут вообще не место. Уж очень у нас работа специфическая.

– У вас здесь всё специфическое... лестница эта...

– Кстати, а как ты с неё заговор сняла?

– Я ничего не снимала! – подскочила Василиса. – Я по перилам залезла! Получается, лестница заговорённая? А разве так бывает? Нам говорили, что логика – царица наук и рассуждений, а здесь всё какое-то... вроде всё знаю, а ничего не понимаю!

– Эх, надо было деревянные оставлять, – задумчиво пробормотал Володя. – Из-за жучка металлические установили. А оно, видишь, не сработало... Исправим. Ты ещё да спать ложись. – Он побарабанил пальцами по спинке. – Логика –

это, конечно, хорошо. Ну да ладно, утро вечера мудренее.

Он встал.

– Где я? – спросила Василиса.

– В Лиходеево, где ж ещё.

– А вы кто?

– А мы отдел по борьбе с преступностью. Ты не переживай, просто ошибочка вышла. Тебе не в наш отдел надо. Ума не приложу, как ты у нас оказалась. Но это мы решим. Вернёшься туда, откуда пришла, а потом...

– Что потом?

– В правильное место отправишься.

– А если я не хочу?

– Потом только спасибо скажешь. – Володя усмехнулся и тихо добавил: – Если вспомнишь...

– Заговорённая лестница, Матрёна... колобок... пироман Горыныч... – не обратив на его последнюю фразу внимания, возбуждённо перечисляла Василиса. – Что всё это значит?

– А сама как думаешь?

– Но не может же этого быть на самом деле? Я будто в сказку попала! Но ведь сказки придумали, чтобы... чтобы... Это же неправда!

– Сказка, может, и ложь, да проблемы с ней самые настоящие.

– Я всё-всё хочу знать! – Василиса забыла про еду и, сложив ладони в молитвенном жесте, подалась вперёд.

– А вот это лишнее. И кстати, для нашей работы не на-

правление, а талант нужен. Спокойной ночи, Василиса Найдёнова!

Глава 8

– Что значит спать иди? Вообще-то, день на дворе, – хмыкнула Василиса, когда за Володи́й закрылась дверь.

Настроение, будто качели, раскачивалось из одной стороны в другую. Да, не на такую встречу она рассчитывала, и всё же рассказ Володи воодушевлял. Подумать только, она попала в сказку! Да не в одну, а, судя по всему, в целый сборник. В детском доме их особо не баловали чтением вслух. Хочешь читать – вот тебе библиотека, читай на здоровье! Вот она и читала, когда другие в мячик гоняли или в куклы играли. Теперь следовало встряхнуть память, вспомнить каждую сказочную мелочь!

Поначалу ей, конечно, хотелось попасть в семью, но в младенчестве не сложилось, а потом она и сама не больно хотела. Нянечка, Зинаида Сергеевна как-то со вздохом сказала, глядя на неё:

– Опять не подошла! Глаза странные, подумайте только! Скажите спасибо, что вообще глаза есть. Ты бы, Васька, хоть улыбнулась, что ли. Вечно набычишься, губёхи подожмёшь. Вот они и боятся, что у тебя со временем что-нибудь психическое вылезет.

И то верно, какой нормальный человек своё дитя в канаву выбросит, как ненужный хлам?

Крепко в ней обида на мать засела. Только когда постар-

ше стала, запретила себе об этом думать. Зачем зря сердце тревожить? Мысли-то разные в голову лезут, бередают, а иной раз и пугают. Особенно когда детективы стала читать. Воспитательницы в детдоме книжками обменивались, ну и ей дали. А потом целый пакет притащили. Запоем читающий ребёнок – большая редкость, хоть по телевизору показывай. И грезилося Василисе, что неспроста она в той канаве оказалась. Что произошло преступление, на её мать напали, и единственное, что она могла сделать, это выбросить малютку в надежде, что её найдут. И ведь нашли! В общем, что-то героическое во всём этом было, если не вдаваться в подробности.

Ах, как же она старалась быть отличницей! Но такого отношения к себе никак не ожидала. Да, не Василиса прекрасная, не Василиса Премудрая. И не Василиса Васильевна, попова дочка. Та и в мужском наряде ходила, и на коне скакала, и дралась, и чарку наравне с мужчинами в себя опрокидывала. Выдавала себя за юношу, даже царь не догадался. В мультике её потом Микулишной обозвали. Но и эта сказка тоже не про неё.

Как же обидно, что не выслушали, не дали возможность доказать свою профпригодность!

– Сидят там, кости мне перебивают! Талант им, понимаете ли, нужен! А, может, я и есть самая талантливая?

Она прошлась по комнате и заглянула во все шкафы. Потом вспомнила, что в кармане сучает расстегай и схмячи-

ла его, стоя у окна.

Сидеть в одиночестве было скучно.

– Матрёна!

Тишина.

– Ау!

Василиса прислонилась лбом к стеклу и стала глядеть на падающий снег. Скоро ей это надоело, и она решила прогуляться по городу. В конце концов она свободный человек, более того – безработный, так что имеет полное право слоняться там, где заблагорассудится. Подёргав дверную ручку, она ахнула:

– Замуровали демоны! – и ударила по двери ногой. – Эй, выпустите меня!

Неужели начальство решило держать её взаперти, пока... Пока не отправит обратно?

– Не имеете права! – заколотила она кулаками. – Немедленно откройте!

Но ей опять никто не ответил.

– Матрёна, – потирая ребро ладони, позвала Василиса, – если не ответишь, я тебя на лоскуточки порву!

– Ась?! Да где ж это видано, чтобы в собственном доме расправу учиняли? За что? – возмутилась Матрёна.

– А чего ты молчишь, когда я к тебе обращаюсь?

– А я только со своими разговариваю! У нас секретное заведение!

– Так и я своя. Жду, когда приказ выйдет! – на чистом

глазу заявила Василиса.

– Ох и сказочница! Что же я, по-твоему, буратина какая, полено неразумное? Всё слышала и видела! Не возьмёт тебя Глеб Данилыч, даже не думай!

– Почему? Неужели только из-за того, что я женщина?

– Не спрашивай, всё равно ничего не скажу!

– Матрёна, а что у него с личной жизнью? Подозреваю, что ничего. Кому такое богатство надо?

– Может, характер и не сахарный, а сам-то хорош! Ну, скажи, хорош?

– А с лица воду не пить! Кстати, водички бы? Организуешь?

– Не велено! Вон в кране вода, колодезная, пей сколько влезет! – припечатала Матрёна.

– А я тут в гостинице одной была, у Лукерьи Дормидонтовны. Ах, какая хозяйка! – восторженно закатила глаза Василиса. – Тебе до неё пять дней конём скакать и всё равно не догонишь!

– Ишь ты поди ж ты! Это кто хозяйка, Лукерья, что ли? Не смеши мои нитки! Да она отродясь ничего сама не готовила!

– А вот и нет! Десять караваев за час как с куста! А какая у неё картошечка жареная, м-м-м! – причмокнув, поцеловала кончики пальцев Василиса. – Полцарства за тарелку!

– Говорю тебе, не сама она готовит! – паровозом запыхтела Матрёна. – Для этого у неё горшочек особый имеется!

– Что, прям всё в одном горшке готовит? – недоверчиво

хмыкнув, добавила "масла" в огонь Василиса. – Ни за что не поверю! А как же нормы? Куда санэпидемстанция смотрит?

– Станция у нас одна, автобусная. А горшок ей от бабки достался. Бабка ейная тыщу лет в лесу жила, а годков сто назад дачный кооператив купила. Место там заболотилось, ничего не росло, окромя плесени, вот народ свои лабазы побросал и съехал. А она живёт, ей-то что. Мухоморов засушит, мух да комаров навялит, ей хватает. Вот она Лушке горшок-то и подарила, когда та своё дело организовала, но Лушка окромя омлета ничего не умеет и тот сожжёт! Бестолковая!

– Ну надо же, – покачала головой Василиса. – Сколько же ей лет?

– Да уж не девушка! Гостиницу она держит! – не унималась Матрёна. – Постоялый двор, тьфу! Да если бы не Глеб Данилыч... Он её к ногтю прижал! Иначе бы...

– Что?

– А то! Лушка запутает, заговорит, заболтает, всё у тебя выведает, и будешь служить ей до скончания веков! Себя потеряешь, не найдёшь!

– Вон оно что... А мне она показалась такой приятной, доброй... Кот у неё шикарный...

– Лизоблюд-то этот? Так он у ней главный агент! Пока спишь, мысли читает, а потом ей докладывает!

– Дурдом...

– Верно говоришь! Двор у неё – три лавки в ряд и ника-

кого благоустройства!

– Погоди, какие три лавки в ряд? – опешила Василиса. – А диванчик, телевизор?! Привиделось, что ли?

– Может, и привиделось!

– Не может быть! Зачем же меня тогда туда Данилыч ваш отправил... на лавку?..

– Да не бойся! Выспалась с котом? Вот и ладно. Кабы что случилось нехорошее, Глеб Данилыч бы тогда её на цепь посадил, да в колодец спустил.

– И много у него таких... по колодцам сидит?

– А я не канцелярия, счёт не веду! Моё дело готовить да людей кормить!

– Данилыч ваш – прям святой человек! Персонаж, блин. Сказочный. – Василиса поскребла ногтем засохшее пятно на скатерти.

– Ой-ой-ой, как щекотно!

– Постирать бы тебя с хозяйственным мылом.

– Лучше не надо, вдруг развалюсь? Мне ж лет-то сколько... А сколько мне? Не помню.

– А Данилычу?

– Самый сок! Не то что некоторые, что по тридцать лет на печи сидят! Фигура – во! Глаза – во! Настоящий полковник!

– Влюбилась, что ли? Ха-ха! Аж в горле пересохло. Хоть стакан дай, хлебосольная ты моя!

– Да пожалуйста!

Когда стакан появился на столе, Василиса взяла его и с

хитрой улыбочкой подошла к стене. Приставив его к стене, она приложила ухо к донышку.

– Шкаф там у него стоит, что ли?.. Ничего не слышно...

«Бу-бу-бу» – ровным голосом говорил Володя.

«Бу! Бу-бу!» – отвечал Данилыч.

– А что это ты делаешь? Подслушиваешь?

– Отстань!

Василиса сместила стакан чуть в сторону.

– Ой, метёт, метёт, метёт снег по переулочку! Ухом следствие ведёт Василиса-дурочка! – заголосила Матрёна.

– Нет, я тебя точно постираю... – пообещала Василиса. – Помолчи хоть минуточку!

– А ты мне рот не затыкай, завтра тебя здесь не будет, а я останусь!

Василиса распрямилась, прищурилась и запела:

– Я скатёрку расстелю, ложки-вилки-камень! Всё в колодце утоплю или кину в пламень!

В этот момент дверь распахнулась.

– А я что говорил, Глеб Данилыч? Уже спелись! – рассмеялся Володя.

Глава 9

– Что шума от неё много, это я уже и так понял, – язвительно резюмировал полковник.

Его глаза излучали губительную для женского пола синюю глубину и вселенскую усталость.

Эта мысль промелькнула в голове Василисы и скрылась в недрах остальных, куда более важных мыслей, связанных вовсе не с мужской привлекательностью полковника, а с желанием во что бы то ни стало занять своё место в правоохранительных органах. Как говорится, сегодня мужик есть, завтра его нет, а карьера сама себя не построит.

– Ничего не поделаешь, Глеб Данилыч. Что написано пером, не вырубишь топором. Государство её выучило и к нам направило, так что придется работать с тем что есть, – развёл руками Володя.

– Ох, чую, наемся мы с ней, – пробурчал Данилыч. – Язык длинный, а ноги вон, как у кузнечика.

Василиса оглядела свои коленки и не удержалась от возмущения:

– Может, у меня еще и рот как у лягушки? То низко летаю, то слишком громко квакаю? Чем ещё не угодила?

На ее бравладу Данилыч вскинул брови и погрозил пальцем:

– Смотри у меня! Один промах, Найдёнова, и вылетишь

отсюда быстрее пули! – Он хотел еще что-то добавить, но потом махнул рукой и через минуту скрылся в своём кабинете, оставив их с Володей вдвоём. Или втроём, судя по кряхтению Матрёны. Уж очень той хотелось высказаться, да субординация не позволяла.

– Пойдём, покажу тебе рабочее место, – вдруг предложил Володя.

– Рабочее место?! – Василиса аж подпрыгнула на месте.
– Правда, что ли?

– Правда. Испытательный срок у тебя уже почти начался. Сейчас Глеб Данилыч указ подпишет и...

– Ты хотел сказать, приказ?
– Указ, – невозмутимо ответил Володя. – Так что имей в виду, что с этой самой минуты на тебя налагаются серьезные должностные обязанности.

– Разумеется! – всполошилась Василиса. – Прошу огласить весь список!

– Да погоди, все будет! Главное, заруби себе на носу три важных правила. Первое, не спорить с начальством. Второе, не попадаться ему под горячую руку. И третье, самое главное... Знаешь какое?

– Догадываюсь, – призналась Василиса. Эта шутка была ей знакома. – Смотреть пункт первый? Не спорить с начальством, особенно, когда оно не в духе, да?

– Хорошо схватываешь! Идем.
– Бегу, посуду только помою.

Василиса сполоснула стакан и, пока Володя ждал её в коридоре, обратилась к Матрене:

– Ну что, съела? А ты мне не верила! Всё, я теперь полноценный член команды, ясно?

– Ой ли? Продержись хоть пару дней сначала, а потом хвались! Вот выгонят за профнепригодность, киселя у меня не проси!

– Не больно-то хотелось твоего киселя! Говорливая больно! И вообще, болтать – не мешки ворочать, сиди вот теперь тут одна, рецепты кисельные изучай, а меня настоящая работа ждет!

С гордо поднятой головой Василиса вышла из комнаты отдыха и плотно закрыла за собой дверь.

– Готова к труду и обороне? – спросил Володя, зачёсывая пятернёй светлый кудрявый чуб.

– Всегда готова! – щёлкнула пятками Василиса.

– Тогда за мной! Покажу тебе твой кабинет.

– Кабинет?! – задохнулась она от восторга. – Мне? Отдельный кабинет?

Нет, определённо сказочные боги были на её стороне. Она мгновенно представила, как восседает за столом в окружении папок с делами, как напряженно работает, изучая полицейские базы, как гудит компьютерный монитор и... У них ведь есть компьютер?

– Ну, вот мы и пришли.

Представляя свои рабочие будни, Василиса не заметила,

как они дошли до конца коридора и остановились у не приметной двери. Володя достал ключ и вставил его в замок.

От нетерпения Василиса «била копытом» и едва ли не поскуливала. Прижимая руки к груди, она даже приподнялась на цыпочках и, когда Володя открыл дверь, заглянула внутрь.

Внутри было темно и пыльно. В полумраке виднелись ряды стеллажей.

– Это что? – не решаясь переступить порог, спросила она.

– Склад, – щелкнул выключателем Володя.

– Склад? Почему склад? Зачем склад?

– Это твое рабочее место. Займешься описью изъятых предметов.

– В смысле, инвентаризацией?! – ошеломленно переспросила Василиса и оглядела полки. – Вообще-то, я на следователя училась!

– Ну какой из тебя следователь? Для начала изучи теорию, – многозначительно хмыкнул Володя.

Василиса надула губы, а затем принялась.

– Тут же мышами пахнет!

– Ничем здесь не пахнет! Или ты мышей боишься?

– Ничего я не боюсь!

– Вот и хорошо. На тебе стол, на тебе стул. Перо, чернила. А это журнал, по которому все проверишь и перепишешь. Где-то тут новая тетрадка лежала... – Володя задвигал ящиками и наконец вытащил тетрадь в кожаной обложке и поло-

жил ее поверх потрепанной предшественницы.

– Амбарная книга какая-то, – проворчала Василиса и помахала ладонью перед носом, разгоняя пыль. – А жить я тоже здесь буду?

– С жильем порешаем, – почесал затылок Володя. – Не ждали тебя, поэтому и не готово ничего. Но ты не переживай, придумаем что-нибудь.

– К Лукерье не пойду! И вещей у меня нет! – предупредила Василиса. После рассказов самобранки возвращаться в «квартиру мечты» было жутковато. Но ведь ей же нужно было где-то спать и чистить перышки?

– И с вещами порешаем! Ты осваивайся пока!

– Угу...

Василиса проводила Володю растерянным взглядом и опустилась на скрипучий деревянный стул.

– Порешают они. Да уж.

Окна на складе не было, что добавило грусти и переживаний. Кому ж захочется целыми днями сидеть в затхлом помещении без естественного света, дышать пылью, вздрагивать от каждого шороха местной мышки-норушки и пачкать пальцы чернилами, не имея возможности проявить свои таланты? И с начальством спорить нельзя, и киселя лишний раз не попросишь...

– Лучше бы вы меня в сугробе оставили! – в сердцах заявила Василиса и придвинула к себе журнал.

Открыв его посередине, она придержала шероховатый

лист и без особого интереса взгляделась в ровный, несколько поблекший почерк.

– Ковер персидский, шелковый. Цвет зеленый, орнамент золотой. Одна штука. Первый владелец... царь Соломон. Стихия – ветер. Не работает по причине множественных дыр и проплешин. Не поняла...

Василиса выдвинула стул поближе и продолжила читать вслух.

– Ковер узбекский или шумерский, не выяснено. Шерстяной. Цвет оранжевый, орнамент коричневый. Одна штука. Известен со времен царя Этана. Стихия – орел. Не работает по причине отсутствия части ковра... – Она перелистнула страницу. – Волшебные кольца... Обалдеть! Десять штук?!

Страницы зашелестели активнее.

– Огниво... Сапоги-скороходы... Не может быть!

Обернувшись, Василиса посмотрела на заваленные, как ей казалось еще несколько минут назад, рухлядью и ветошью полки. А, собственно, почему не может быть? Просто ее сознание все еще пребывает в обычной реальности, а сама она вот уже сутки находится в сказке!

– Пора перестраиваться! – решительно заявила она и, заметив в самом темном углу ведро со шваброй, сняла куртку и закатала рукава. – Для начала подготовим место к работе.

Схватив ведро, она вышла в коридор и отправилась на поиски туалета. Далеко идти не пришлось, «кабинет задумчивости» оказался рядом. Она набрала воды, но в коридо-

ре не удержалась и подошла к кабинету полковника. За дверью слышались голоса. Василиса поставила ведро и привычно прижалась ухом к щели.

— Вам бы отдохнуть, Глеб Данилыч! Уж сколько ночей дежурите? Давайте я и сегодня с вами поеду!

— Не до сна мне, Володенька. Сжимается кольцо вокруг Лиходеева. Из лесу погибелью все сильнее тянет. Мне бы эту волчью стаю к ногтю прижать, а там уж... Пока силы есть, не успокоюсь!

— Так откуда силам-то взяться? Хоть яблоко молодильное съешьте!

— И не уговаривай! Как там эта... прости господи, практикантка?

— На склад отправил. С жильем я решу, главное, чтобы она не лезла куда не просят.

— Молодец! Присматривай за ней. Как только проход появится, отправим ее подобра-поздорову, чтоб под ногами не мешалась.

— Согласен, Глеб Данилыч. Диву даюсь, как она защиту пробить сумела?

— И мне странно, Володенька. Не подвластно это обычно-му человеку. И ведьму на площади распознала. Ты последи за ней, мало ли...

— Уж не думаете ли вы, что...

Василиса вжалась ухом, пытаясь расслышать слова Володи. Но уже через мгновение раздались шаги, и она метнулась

к ведру.

Глава 10

– Ты что здесь делаешь? – выглянув, удивился Володя.

– Полы мою! – Василиса вынула швабру из ведра и стала деловито возить вокруг. – Если долго плевать на уборку, то она становится влажной. Вы походу тут со времен царя Гороха не убирались. А я, знаешь ли, привыкла к чистоте!

– Это, знаешь ли, не входит в твои обязанности. Впрочем, развлекайся, но помни: не выполнишь приказ, вылетишь! – Он подмигнул и снова скрылся в кабинете начальства.

– И это вместо благодарности?! – Василиса погрозила кулаком и, подхватив ведро, потопала в свой закуток. – Вот и ладно, мойте сами! Я не нанималась! Нашли Золушку!

Уборка в «личном кабинете» тоже не задалась. Стоило подойти к стеллажу, как внимание тут же переключалось на какую-нибудь вещь. Оно и понятно, все здесь было не простым, а волшебным. Судя по записям в старом журнале, разумеется.

Убрав хозяйственный инвентарь в угол, Василиса сдула пыль со стола и разложила тетради. Взялась за перо, обмакнула его в чернильницу и сразу же поставила кляксу на приготовленной чистой странице.

– Чувствую себя Александром Сергеевичем! То стих не идет, то перо тупится. – Она вырвала лист, помяла пальцы и снова взялась за работу. Буквы получались кривоватыми,

перо норовило проткнуть бумагу, а чернила растекались. – Ну к чему такие сложности? – взывала Василиса. – Неужели нельзя использовать обычную ручку? Или карандаш?

Но что-то подсказывало, что ни ручку, ни карандаш ей не выдадут. То ли ими здесь не пользовались в виду сказочности происходящего, то ли ее проверяли на вшивость в плане выполнения задания. А ей в нынешнем положении и выбирать не из чего, надо доказывать вменяемость и профпригодность. Так сказать, работать с тем, что есть, как выразился Володя.

– Вроде нормальный парень, симпатичный даже, но приказы ему важнее человеческого отношения. Получается, если Данилыч – маг, то Володя – завмаг? Гы-гы-гы! – развеселилась Василиса. – Наверняка идея с чернилами принадлежит именно Гэ Дэ! Хочет, чтобы я помучилась. А потом придерется к кляксе или к почерку, мол, не подходишь, не умеешь, руки кривые. А нас чернилами не учили пользоваться. И что теперь делать?

Она откинулась на спинку стула и покрутила шеей, чтобы снять напряжение, и тут ее озарила совершенно чудесная в своей простоте мысль.

– И чего я переживаю? У меня же здесь целый склад волшебных предметов! Надо только найти то, что исполнит мое желание, вот и все! А желаю я немного – чернильную ручку!

Сказано – сделано! Василиса углубилась в чтение, чтобы найти необходимый для исполнения желания предмет. Водя

пальцем по строчкам, чтобы ничего не пропустить, она со всей тщательностью углубилась в процесс изучения списка магических предметов. Тут были вещи, о которых она уже знала из сказок, и те, о которых слышала впервые.

– Бердо, деревянное, одна штука. Это что еще за зверь?

Вот так сразу и не найдешь, потому что не знаешь, что и где искать. Следовало вооружиться терпением и выдержкой, сверять инвентарные номера с выпиской из журнала и ставить на место. Увлекательное занятие для какого-нибудь архивариуса, а у нее уже дым из ушей валит от этой сказочной информации! Нет, торопиться нельзя, надо все делать постепенно.

Вот, к примеру, сапоги-сороходы, одна пара. Стоят себе на нижней полке – размера эдак сорок пятого, заношенные, стоптанные, лет сто не чищенные. Вербкой перевязанные, с бирочкой. Рядом с ними – «башмаки-сороходы», две пары. Деревянные, похожи на два корытца. Ужас, одним словом.

– Так, это обувная полка. Хрустальные туфельки, железные сапоги, красные башмачки. Крылатые сандалии, импортные. Волшебные калоши... черевички... Да, Вакула, не зря ты к императрице гонял. Хорошенькие, – щелкнула по атласному носку Василиса.

Она подошла к следующей полке и, придерживая журнал, сверила данные.

– Горошина для выяснения принадлежности к царскому роду. – В стеклянной банке и правда лежала сморщенная го-

рошина. – Одна штука. Есть.

Приставив стул, Василиса забралась на него и, скривившись, двумя пальцами приподняла потрепанную шапку.

– И кто бы сомневался. Шапка-невидимка, сукно серое. Не действующая, по причине объедания молью... Так, шапок здесь много, ими я потом займусь. Ой, а это что? – в руках оказался обычный холщовый мешок вроде тех, в каких хранят картошку. Номер... ага! Мешок волшебный, для перенесения за семь морей людей и прочие грузы... Маловат что-то для прочих грузов! Интересно, а я в него влезу? А-а-а-апчхи!

Пошатнувшись, она едва не свалилась, но успела ухватиться за край полки. От чернил и пыли руки стали совсем грязными.

Вскоре Василиса разобралась с правилами хранения. Посуда, а ее здесь было много, занимала средние полки. Были здесь и блюдечки с голубой каемочкой, и чугуны с горшками (наверняка такие же, как у Лукеры), и кувшинчик, и стопка скатертей (эх, Матрена, незаменимых у нас нет, как видишь!)

А уж какая красота творилась в отделе украшений, ни в сказке сказать, ни пером описать! Хотя пером-то как раз и придется. Зеркала – маленькие и большие, простенькие и украшенные самоцветами, хрустальные лари, малахитовые шкатулки, резные сундуки, горы колец да перстней, резные гребешки, кокошники с лентами...

Разумеется, первый же попавшийся под руку кокошник с жемчугами оказался на ее голове. Василиса отвела зеркальце и спросила:

– Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?

Подернутая патиной зеркальная поверхность оказалась странно выпуклой, отчего глаза сместились к переносице, а нос вырос до гигантских размеров и стал напоминать идеальную картофелину для фаршировки. Однако Василису это не смутило.

– Да, красота – это страшная сила! А с годами она все страшнее и страшнее.

Ее внимание надолго привлекло сказочное оружие. Тут были и меч-кладенец, и лук-самострел, и дубины (стоеросовые, три штуки), и палица-буявица, и стрела-блискавица, и булавы, и копыя, и щиты!

Пахло железом и ржавчиной. Василиса вытащила булаву, но та оказалась столь тяжелой, что тут же рухнула на пол и поднять ее обратно получилось с огромным трудом.

– Страшно не само оружие, а его владелец, – вытирая пот, глубокомысленно изрекла она и подошла к следующей экспозиции.

Здесь ее ждали гусли, дудочки и гармошки. Не удержавшись, она провела пальцем по гусельным струнам. Те отозвались скрипучим звуком.

– Отсырели, наверное.

Отдельный шкаф предназначался для волшебных снадо-

бий.

– Живая и мертвая вода, одолень-трава, плакун-трава, цветик-семицветик...

Бутылочки, пакетики, веники, связки каких-то прутиков, наливные яблоки...

Глядя на наливные плоды, Василиса облизнулась.

– Киселя бы сейчас... или хотя бы три корочки хлеба с солью! Желудок у котенка меньше наперстка, а сил для игр и роста, а в моем случае для работы, требуется много! Рас-тущий организм надо поддерживать! Когда у них тут обед? – Закрыв дверцу шкафа, Василиса вздохнула и вернулась к столу.

Будь она другим человеком, обязательно бы воспользовалась возможностью исполнить все свои желания. Да ей бы одного лепестка цветика-семицветика за глаза хватило! Но, дав обещание служить, теперь она не могла позволить себе его нарушить. Особенно, во вверенном складе. Страшно не то, что за самоуправство ее могут выгнать с работы, а то, что без сказочных знаний она обязательно что-нибудь перепутает. Надо ведь слова специальные говорить, а не просто мечом махать или лепестки обрывать. И все это было настолько интересно, так манило, что не оставалось ничего другого, как сесть, взять перо и, прикусив от усердия язык, начать учиться.

– Бёрдо... Отдел домашней утвари.

Наконец-то она нашла то, что не давало ей покоя! Этим

«самым» оказалась странного вида деревянная штука приличных размеров, напоминающая гребень, между зубьев которого кое-где прилипли разноцветные шерстяные нитки. Но для чего оно предназначалось, указано не было.

– Спрошу у Матрены, она в этих старинных деревяшках должна разбираться, – решила Василиса и тут услышала уже знакомый вой сирены.

Приоткрыв дверь, она увидела выбегающих из кабинета Данилыча и Володю. Вокруг них образовался снежный вихрь. Зрелище было столь эффектным, что она приоткрыла дверь пошире и тихо ахнула.

Синие глаза Данилыча сверкнули, серебряный посох ударил об пол, и брызнувшие ледяные искры понеслись прямо к ней.

Пискнув, Василиса захлопнула дверь и навалилась на нее всем телом.

– А чего сразу я? Я вообще молчу!

Глава 11

Но, что скрывать, молчать Василиса не могла, не хотела, да и не умела.

– Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла! Люли-люли, стояла! Люли-люли, стояла! Господи, сколько грязи! – она заглянула в ведро, тяжело вздохнула и продолжила: – Некому березу заломати! Окромя полковника... Вот, кстати! Мог бы сразу сказать, что им по штату уборщица нужна! А то я теперь не пойми кто: то ли писарь, то ли техничка, то ли завскладом.

Натирая полки, Василиса пела во весь голос, совершенно не переживая, слышит ли ее кто-нибудь. В здании она одна, не считая Матрены, а между ними целый коридор.

– Я ж пойду, пойду погуляю! Белую березу заламаю! – Василиса окунула тряпку в ведро, и тут по складу пронесся переливчатый звон струн. – Ой!

Она умолкла, затем присела, заглядывая в пространство между полок.

– Люли-люли, заламаю... – осторожно продолжила песню. И гусли снова отозвались!

– Срежу я с березы три пруточка! Сделаю из них я три гудочка! – заголосила она под аккомпанемент волшебных гуслей.

Работать стало куда веселее!

– Еще две тыщи ведер, и золотой ключик будет наш! – Василиса подхватила ведро и потащила с ним в туалет, чтобы поменять воду.

И все вроде было правильно, думала она. Начальство решает глобальные проблемы, а обычные сотрудники исполняют приказы. Да только ведь из головы не выкинешь то, что ей удалось подслушать под дверь. И вопросов теперь у нее куда как больше, чем ответов. Что за тьма надвигается на Лиходеево? Кого Данилыч и Володя ищут в лесу? При чем здесь волки, и почему нельзя обратиться, например, в Комитет Охраны природы?

– Может, у них тут в сказках не принято в комитеты разные обращаться? – Василиса закрутила кран и подошла к маленькому окошку, за которым все так же сыпал снег.

Ах, как же ей хотелось узнать обо всем! Но никому ее желания не интересны.

Она вернулась и закончила уборку. Дело, конечно, грязное, но благодарное. Вот и дышать стало легче! Еще бы ковры да мешки хорошенько выбить, вынести бы их на снег и пройтись какой-нибудь палицей. Только, поди, не вынесут они такого отношения, развалятся за давностью лет. Музейные экспонаты, одно слово! И блюдечки с голубой каемочкой давно не мыты. Опять же, вдруг у них от воды все волшебные свойства смоются? А уж как она вокруг скатертей круги нарезала! Хоть бы «доширак» какой попросить, но совесть не позволила.

– Интересно, а Матрена тоже раньше на складе лежала?

Писанины оставалось еще достаточно. Фаланга пальца покраснела и немного зудела. Однако собой Василиса была довольна. И даже гусиное перо не затупилось! Хотя сама она выглядела так, будто пролила на себя чернильницу.

Хотелось помыться и постираться, в горле першило от пыли.

Василиса закрыла складскую дверь и пошла в комнату отдыха. Стакан есть, колодезная вода имеется, хоть упейся. А коли замертво от голода упадет, так несдобровать полковнику! Придется ответить за гибель молодого сотрудника на вверенном ему посту!

Но в комнату отдыха она не попала.

– Найдёнова! – окликнул ее дежурный. – Вас там внизу Володя ждет.

– А чего он меня внизу ждет? Пусть поднимается, – великодушно разрешила она. – Ладно, ладно, иду! Только куртку надену.

Дежурный шел с ней до самого выхода, будто боялся, что она чего-нибудь учудит.

– Меня Василиса зовут. А вас, я слышала, Алексеюшка?

– Алексей Попович! – буркнул он.

– О как! А Попович – это фамилия, отчество или принадлежность к религиозной конфессии?

– А у вас язык от природы такой длинный или специально тренировали?

– Наш человек! – расплылась в улыбке Василиса. – Срабатываемся!

Она даже помахала ему в дверях, но дежурный держался стойко, несмотря на покрасневшие уши.

«Это все Данилыч! Они при нем и кашлянуть боятся!»

Но после того, как она своими глазами увидела, какими невероятными способностями обладает полковник, болтать попусту в его присутствии решила поостеречься. Мало ли, долбанет своим посохом, и станешь на веки вечные столбовой дворянкой. В смысле, ледяным столбом!

А вот с Володей можно и поболтать, и вообще... выведать, что тут у них происходит. Вон стоит – чубчик светлый, щеки алые, морщинка меж бровей. Задумался красный молодец!

«Тьфу, я и слов таких не знала! Вот оно – сказочное влияние! Гусли, блюда, скатерти!»

– Здравствуй, Володенька! – вложив в голос как можно больше нежности, проворковала Василиса. Пусть думает, что у нее от него крышу снесло.

Хоть опыта в амурных делах у нее не было, женскую сущность не спрячешь. Да и сериалов Василиса видела достаточно, чтобы изобразить нужную манеру. Впрочем, на Володю ее кульбит если и произвел впечатление, то особого восторга не вызвал.

– Вот что, Василиса, времени у меня в обрез. Сейчас отведу тебя на постой.

– А сам куда?

– На кудыкину гору.

От обиды она закусила губу и насупилась. Ладно, Володенька, зайдем с другого бока!

– А товарищ полковник где?

– На кудыкиной горе! Идем скорее, сдам тебя, все легче.

– Пешком, что ли? Может, на такси? Ноги чай не казенные, – забубнила она ему в спину.

– Ноги у тебя, Василиса, теперь самые что ни на есть казенные. Да и идти недолго.

Идти, может, было и недалеко, но ботинки увязали в снегу, а снежинки лезли в глаза и нос. Рот Василиса держала закрытым, хоть язык и чесался. Женские чары не возыме-ли желаемого действия, и этот факт ее озадачил. Все же настоящий следователь должен обладать изрядной харизмой и умело ею пользоваться. Признать, что ее харизма – одно название, было неприятно.

Чтобы как-то занять себя и немного развеяться, Василиса стала рассматривать улицу, по которой они шли. И странное дело, даже через частый снегопад она заметила, что дома и окрестности очень сильно отличались от тех, что она видела прежде.

От здания, в котором размещался Отдел, они ушли не так далеко, однако, обернувшись, она не увидела ни театра, ни площади. Вернее, площадь была, но совершенно другая! И дома вокруг нее тоже были другими! Белокаменные, похожие на терема!

Вместо привычных глазю магазинов – торговые ряды и лавки с деревянными вывесками и гирляндами баранок и кашачей. Женщины и девушки в тулупчиках и валенках, с повязанными поверх меховых шапок цветастыми платками.

– Но! Но! Давай, родимые!

Послышалось лошадиное ржание. Звоня бубенцами, мимо проехала тройка. Снег из-под копыт прыснул морскими брызгами, заскрипели полозья, мужик в зипуне лихо подбоченился и глянул на Василису.

– Ух, и красавица! Губами червлена, бровями союзна!

Оглушенная происходящим, Василиса застыла посреди дороги.

– Догоняй! – прикрыв лицо от снежной метели, позвал ее Володя.

Она припустила к нему, ругая себя за оплошность. Не хватало еще потеряться! И ладно бы, если б это было нормальное Лиходеево, в этом незнакомом городе с таким же названием без провожатого ей точно не обойтись.

Стараясь не отставать ни на шаг, Василиса судорожно сопоставляла факты, связанные с ее прибытием в город, с ночевкой на постоялом дворе у Лукерьи и прогулкой по городским улицам Лиходеева. Что из всего этого было настоящим, а что сказочным?

– Все смешалось... люди... кони... – стуча зубами от волнения, пробормотала она.

Реальность засасывала, не оставляя шанса выбраться.

Единственным, кто еще связывал Василису с обычным миром, был Володя.

– А у тебя в Питере есть родственники? – осторожно поинтересовалась она.

– Есть. Родители.

– О... а как же тогда, ну, что они обо всем этом думают? Володя глянул на нее удивленно.

– А что не так?

Василиса хмыкнула и натянула капюшон поглубже.

– Хочешь сказать, что они в курсе, где ты работаешь? – со значением сказала она.

– Я работаю в Органах правопорядка. И мне здесь нравится. Так что возвращаться я не планирую, если ты об этом.

– А в гости, например? – Василиса ухватила его за локоть.

– Мои родители развелись, у каждого своя семья. Ездил два года назад, вещи забрать. Списываемся иногда.

– А, то есть, уехать отсюда можно? – с облегчением выдохнула она.

– А ты уже обратно собираешься?

– Я просто так спросила. В универ хотела, заочно. Так что, если что...

– И куда бы ты поехала? Если что?

Она промолчала. Ехать ей, конечно, было куда – на старое место, в Тамбовскую область. Квартиру должны дать. Думала, если в Лиходеево все сложится, на заочку документы подаст, а квартиру потом поменяет. Но сейчас даже не пред-

ставляла, как это все возможно. На что менять? На теремок?

– Вот мы и пришли! Здесь пока будешь жить.

«Пока... – как много в этом слове!»

Василиса смотрела на бревенчатую избу с резными наличниками и коньком в виде петуха на крыше.

– А попроще ничего не было? – тихо спросила она.

– Да ты только глянь, красота какая! – воздел руки Володя. – Тепло, сытно!

– Да я не об этом... Кто здесь живет?

– Невеста моя, Аленушка!

Глава 12

Озирая метровые сугробы, Василиса заметила, как в окне избы дернулась кружевная занавеска. Через минуту хлопнула дверь и на крыльцо выбежала статная русоволосая девица в накинутом на плечи овчинном полушубке.

– Любый мой! Сокол ясный! – крикнула она и, придерживая подол вышитого гладью зеленого сарафана, понеслась к ним.

Затем, раскинув руки, бросилась на шею Володи, который обнял и закружил ее. Подол взметнулся в воздухе, а толстенная коса со всего размаху шандарахнула Василису ровнехонько промеж глаз.

– Солнце ты мое красное, дружок ты мой ненаглядный! – журчащим ручейком щебетала Аленушка. – А я в окошко гляжу: ты ли, чё ли, али не ты?

– Прости, Аленушка, что пришел к тебе без цветочка аленького! Служба, сама понимаешь! Времени в обрез! Как ты, радость моя?

Потирая лоб, Василиса закатила глаза и отошла к наполовину заваленному снегом пугалу. Пугало было одето в косоворотку, на перевернутом ведре с нарисованными углем глазами сидела старая ворона.

– Бог с ними, с цветами, Володенька! В другой раз в два раза больше принесешь! – зацеловывала его щеки невеста. –

Яхонтовый ты мой, никак не нагляжусь на тебя!

Володя млел как маков цвет, хоть и старался изо всех сил делать озабоченное трудовыми буднями лицо. Сцепив челюсти, чтобы не заржать, Василиса стала глядеть на ворону. А та на нее. В черных глазках-пуговках читался неподдельный интерес к происходящему.

– Как ты, любовь моя? Чем день коротаешь? – мазал масло поверх стуженки Володя.

– А я девушек-подружек в гости жду! – делилась новостями Аленушка. – Батюшка с утра за товаром поехал, обещал только завтра вернуться. А одной мне несподручно, да и боязно! Счастлива я, что ты пришел! По делу или как?

– По делу, лебедушка моя! Пойдем в дом, негоже на морозе стоять!

– И то верно, касатик! Как же с отмороженным задом жениться?

Сказано это было столь серьезным и заботливым тоном, что Василиса закусила губы. Смех подбирался к горлу, сдерживать его становилось все труднее.

– Дай на руках тебя понесу, чтобы ты ножки свои не застудила! – донеслось из-за спины.

– Что ты, что ты, голубь мой! А ежели люди увидят, что о нас подумают?

«Что вы оба отмороженные на всю голову!» – прыснула в кулак Василиса.

Ворона испуганно закаркала и перелетела с пугала на вет-

ку рябины.

– Будь здорова! – обращаясь к Василисе, наконец отлепился от невесты Володя.

«И как тебя сюда занесло, горемычный?!» – Василиса шмыгнула носом.

– Вот, Аленушка, это Василиса, – представил ее Володя. Девушка стрельнула глазами в ее сторону и перекинула коосу на грудь.

– Доброго вам вечерочка!

– Здрасьте.

– Ты говорила, у вас горница пустует, – приподняв воротник на полушубке девушки, уточнил Володя.

– Говорила, – Аленушка снова покосилась на Василису.

– Это наш новый сотрудник, Василиса Найдёнова. Практикант, – кашлянув, пояснил Володя. – На время испытательного срока ей нужна жилплощадь. А уж лучше, чем у вас, двора не сыщешь!

– Даже не знаю... – поиграла полукружьями ровных бровей Аленушка. – Как же без папеньки такие вопросы решать?

– Так ведь последнее слово всегда за тобой, свет очей моих! Сама подумай, как вам вместе будет. И веселее, и сподручнее. И по дому, опять же, помощь!

У Василисы вытянулось лицо. Вот только в чужих избах она еще не убиралась!

– По дому я и сама могу! – покраснев, кокетливо отмахнулась Аленушка. – Хозяйка из меня и правда хоть куда!

– Сам себя не похвалишь, никто не похвалит, – пробурчала Василиса.

Но Володя-таки расслышал и бросил в ее сторону укоризненный взгляд.

– Как бы мерзнет – филейная-то часть! – развела Василиса руками.

– Ох, я балда, – воскликнула Аленушка. – Идемте в дом! Потчевать вас буду! У меня и блинцы, и щи свежие, и каша в печке!

– Хозяюшка ты моя! Не могу я, бежать надо. Меня там Глеб Данилыч заждался!

– В засаде сидеть станете? – деловито уточнила Аленушка. – погоди, я тебе с собой котомку соберу! Василиса, как вас по батюшке?

– Можно без батюшки, мы привыкшие, – в тон ей ответила Василиса.

– Василиса у нас сирота, так что ты уж... – Володя не успел закончить, как глаза его невесты налились слезами.

– Сирота?.. Бедная ты моя, несчастная ты моя-я-я! Ох, и горемычная доля-я-я! – ломким голосочком запричитала Аленушка.

– Она всегда такая? – испуганно глянула на Володю Василиса. – Может, ну его, лучше к этой, к Дормидонтовне?

– Идем, идем, все хорошо будет! Куда же без страданий-то? Аленушка сама без матери выросла, вот и жалеет тебя. Отец у нее, кстати, купец.

– Отец – купец и дом – полная чаша. А ты неплохо устроился, Володя! – ткнула его в бок Василиса. – Но я бы лучше с вами в засаде посидела, если честно. Очень хочется сразу в бой, понимаешь?

– Хочется ей! Хотелка еще не выросла, а туда же! Меня, знаешь, сколько Глеб Данилыч мариновал, готовил, к делам не подпускал?

– Догадываюсь, – хмыкнула она. – Был бы при деле, о женьитьбе бы не думал!

– Одно другому не мешает! – фыркнул Володя. – Мужу без семьи нельзя. Он тогда душой черствеет.

– А как же без страданий? – состроила Василиса кислую гримасу.

С порога пахло теплом и сытными ароматами. Потолки венчала красивая роспись: тут тебе и цветочки аленькие, и птицы с золотыми перьями, и ягоды лесные и садовые, и толстые младенцы с дудочками. Сводчатые двери резьбой украшены, печка белоснежная, лавки подушечками выложены, полы цветастыми половичками выстелены.

Аленушка заметалась от печки к столу, быстро собрала узелок с блинами и пирогами, снова кинулась к Володе и припала к его груди. Василиса потопталась. Чтобы не мешать влюбленным, села на лавку и стала стягивать ботинки.

Будущие молодожены наконец распрощались и облобызались (слово-то какое, не сразу выговоришь! Но Аленушка так и заявила, мол, дай облобызаю на прощание!) А затем

разошлись по обе стороны крепкой дубовой двери.

– Вот и славно, – смахнув слезу с длинных ресниц, улыбнулась Аленушка. – Люблю я его больше жизни! Веришь ли?

Василиса задвинула ботинки под лавку и, пошевелив пальцами в носках, признала:

– Верю! Хороший мужик. Надо брать.

– Ага! Я его как увидела, обмерла! А потом...

– Руки бы помыть, – перебила ее Василиса.

– Ох, ну что я за болтушка такая! По нашему обычаю, надо тебя накормить, напоить, в баньке попарить и спать уложить!

– Пряма программа максимум! Но лучше все же сначала попарить, – потерла друг о друга грязные ладони Василиса.

– А можно и просто в душ.

– Я сразу поняла, что ты из этих...

– Из каких?

– Ну... как Володенька, – смутилась девушка. – Вот это у тебя – джинсы, да? – придиричиво оглядела она Василисы штаны и даже потрогала ткань.

– Угу, – кивнула Василиса, задержав взгляд на одном из нарисованных пухлощеких младенцев, который смотрел на нее, смешно надув щеки.

– Значит, ты и работать должна, и в штанах ходить... Вот она сиротская доля! Не по-людски это... Но ничего, мы все исправим! Хорошо, что ты ко мне попала! Меня батюшка нарядами подарил, я тебя сейчас наряжу, все обзавидуются!

– Ой, не надо! – отшатнулась Василиса. – Мне так привычнее! Вот разве что рубашку какую можно, пока одежда сохнет. А так я потом все куплю!

– Так вон же сундук с нарядами вон стоит, бери, что хочешь!

– Я подумаю. А можно без бани обойтись? Просто в душ сходить?

– Конечно! Я ведро на притолоку поставлю, а потом дверь легонечко приоткрою. Вот и будет тебе душ! Холодный! Только сначала все равно в бане погреться надо! – похлопала длинными ресницами Аленушка. – Мне Володенька много чего рассказывал о том, как вы живете. А у нас здесь свои правила.

– А стираете как же?

– В корыте!

– М-да... А нет ли чего-нибудь волшебного, чтобы раз... и белье чистое?

Аленушка удивилась:

– Неужто тебе не сказали, что у нас в Лиходеево запрет на превышение магической потребности? Да и руки нам почто даны, коли все за нас домовые и банницы будут делать?

– А как же скатерть-самобранка? Она же в Отделе всех кормит!

– Глупенькая! Да разве ж общепит сравнится с домашней едой? – рассмеялась Аленушка. – Иди мойся! Потом подруженьки придут, мы гадать в светелке станем! Наговоримся,

песен напоемся!

Василиса опустила голову на руки и тяжело вздохнула. Нет, определенно Володя не просто так ее сюда приволок. Наверняка они с Данилычем думают, что она тут расклеится, в са-рафаны начнет обряжаться да на суженого гадать!

«Ничего, я вам еще покажу, как кадрами по баням разбрасываться! Вот прям завтра и покажу!»

– Огромное спасибо, Алена! – изобразила радость Василиса. – Я ведь всю жизнь мечтала о том, чтобы вот так... так... э... с подружками!

Аленушка захлопала в ладоши и закружилась по комнате, а Василиса, глянув вокруг, вдруг поняла, что зря переживает. Сейчас девки прибегут, сплетничать начнут, вот и разузнает все подробности о том, что в Лиходеево делается.

Глава 13

– Матушка банница, челом бью, не обозлись понапрасну! Гости у нас иномирные! – Переступив порог приземистой, но крепкой баньки, Аленушка поклонилась, а потом шепнула Василисе: – Давай мойся, только не плюйся и срамных песен не пой! Она этого не любит!

– Да я и песен таких не знаю, – заглянула в пахнущую березовым листом темноту Василиса.

Врала, конечно, разные песни в ее репертуаре присутствовали. Только как понять, на какую из них местная банница ощерится? Тьфу ты, опять новое слово! И откуда только такое в ее лексиконе взялось? Ветром, что ли, надуло?

– А она у вас давно работает? – Заглянув под лавку, Василиса попыталась выяснить, где в этом маленьком помещении с низеньким потолком может прятаться работница банных услуг. Представляла сварливую тетку, которая здесь убирается, а заодно хлещет веником.

Хлестаться веником Василиса не планировала.

– Она не работает, а живет здесь еще со времен царя Гороха. Тогда еще и батюшка мой не родился!

И тут Василиса вспомнила, о чем Аленушка недавно обмолвилась! Про домовых и банниц! Получается, тут какая-то сказочная хрень обосновалась?

– А можно мне одной помыться? Без свидетелей? – по-

ежилась она.

– Так она тихая, – загремела ведрами Аленушка. – Коли браниться и плевать не будешь, и не покажется.

– Нет, а если чисто гипотетически представить, что я, например, плюну? – следовала за ней по пятам Василиса.

– Ой, ничего-то ты про нас не знаешь, – покачала головой девушка. – Вот же занесло тебя! Короче, пугать не стану, просто не плюйся.

– Нет уж, начала, так договаривай!

– Опосля расскажу. *Она* не любит, когда в бане время попусту тратят. Гляди, здесь мыльный отвар на лопухе и семи водах, тут мочалка лыковая, я тебе новую положила, полотенце. В кувшине квас холодный, чтобы не угорела.

Аленушка задернула занавеску на мутном окошке, подожгла в печи длинную лучину и вставила ее в железный стержень, который затем воткнула меж бревен.

– Долго не сиди и задуй потом! – велела она перед уходом.

Естественно, в бане Василиса не задержалась. И хоть было жарко – печка топила исправно, а от мыльного раствора и горячей воды в лохани кожа просто ожила, она вздрагивала от каждого шороха. И, как назло, так и подмывало запеть что-то вроде: «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла». Было у них несколько занятий в колледже по изучению «культуры» преступного мира. Там тебе и фольклор, и натальная живопись, и тюремные предания, и лексика вкупе с морфологией, и «пищевая цепочка», то бишь преступная иерархия.

Интересно, а главное, наглядно. Вот кое-что в мозгах и осело, а теперь еще и на язык просилось. Но силой воли Василиса губ не разомкнула, даже когда из ковшика на себя поливала. Не дай бог, отплеываться начнешь, и эта банница из темного угла выскочит!

Хлопнула дверь в предбаннике.

– Я тебе одежду чистую принесла! – звонко крикнула Аленушка.

– Благодарствую! – Замотавшись в большой кусок беленого холста, Василиса дождалась, когда дверь хлопнет второй раз, зажала в кулаке постиранные трусы и быстро выскочила из помывочной.

– О нет...

На лавке лежала длинная рубаха из тонкой кисеи и, конечно же, сарафан. Голубой, с изящной вышивкой мелким жемчугом и бирюзой по вороту и проймам.

– А это еще что? – Двумя пальцами Василиса подняла атласную ленту синего цвета и тут же представила, как вплетает ее в косу. Ее передернуло от ужаса. – Не дождетесь!

Она надела рубашку, натянула ботинки и пуховик. Не зная, как поступить с сарафаном, оставила его в бане. Дорогая вещь, мало ли зацепку поставишь, потом с купцом не рассчитаешься. Что до своих вещей, решила так: джинсам не на пользу, когда их часто стирают, свитер можно просто проветрить, а трусы за час на печке высохнут.

По тропинке она добралась до дома, но еще пару минут

стояла, прислушиваясь к окружающим ее звукам. На небе едва проглядывал месяц, кружил снег. Где-то лаяли собаки, играла гармошка и...

– Волки, что ли, воют? – вздрогнула она и вбежала на крыльцо.

Запнувшись в темных сенях и вспугнув спавшую на деревянном сундуке кошку, распаренная Василиса ввалилась в избу.

– Знакомьтесь, девочки! Это Василиса! Моя дальняя родственница и сирота! – с места в карьер представила ее своим подружкам хозяйка, доставая из печи ухватом глиняный горшок.

– Казанская? – спросила первая, невысокого росточка, с кокошником в рыжих волосах, голубоглазая девица.

На столе перед ними стояла тарелка семечек, рядом с ней уже возвышалась горка шелухи.

– Почему сразу казанская, – усевшись на лавку, Василиса задрала ногу и стала стаскивать ботинок. – Тамбовская я.

– С легким паром! – подлетела к ней Аленушка. – Ты почему в сарафан не обрядилась?

– Не, сарафан я уже не выведу, – пробурчала Василиса и тут же поправилась, чтобы не обидеть девушку: – Уж больно хорош! Обляпаюсь еще, жалко.

– Я тогда тебе жилеточку принесу, сама вязала. Из собачьей шерсти! И тепло, и душа порадуетя!

Вот все же повезло Володке с невестой, аж завидно.

– Знакомься, дорогая, это Настенька, – ткнула пальчиком в голубоглазую подружку Аленушка. – А это Марфушенька!

Марфушенька была чернявой, с ярким румянцем и белой кожей. При ближайшем рассмотрении стало понятно, что лицо ее скрывалось под толстым слоем штукатурки. Из муки, свекольного сока и угля, надо полагать.

– Надолго к нам? – спросила она и погляделась в зеркальце, висевшее у нее на поясе.

– Как получится, дело в том, что я... – начала Василиса, садясь за стол, но Аленушка ее перебила.

– Погостить она приехала. И правильно! Чего ж в одиночку слезы слезные лить?

– Зачем это еще слезы лить? – удивилась Василиса.

– От сиротской доли своей, – ткнула ее легонечко в плечо Аленушка и сделала «большие глаза».

– А... Ну да! – понимающе кивнула Василиса. О конспирации она и не подумала. – Страдаю я там в одиночестве!

– Что, ни мужа, ни жениха нет? – ахнула Настенька. – Как же так?

Василиса изобразила глубокую печаль и развела руками:

– Не берут.

Девицы переглянулись.

– А разве так бывает? Чтобы за девкой парни не бегали? – Марфушенька даже зеркальце убрала.

– За красивыми, может, и бегают, – пожала плечами Василиса. – А как у вас тут, вообще? Что происходит?

– Всякое тут происходит, – Настенька сплюнула лузгу и понизила голос: – Нас вон еле отпустили к Аленке, до двора провожали!

– Да ладно? – наострила уши Василиса. – Женихи одолели?

– Настенька у нас уже невеста! – Аленушка поставила перед Василисой миску с горячей кашей и вручила ложку. – Ешь! Уж больно ты тоща.

– Настька могла бы кого и получше найти! – фыркнула Марфушенька.

– А чем тебе Никитка мой не нравится? – вспыхнула девушка. – Как кости заболят, к кому бежите? Правильно, к Кожемяке!

Василиса взяла ложку и принялась за еду.

– Он у меня сильный! Избу сам построил! И в государственную мошну, между прочим, денежку несет! – защищала жениха Настенька.

– Подумаешь, кости мнет! Много ль радости, когда народ в избе постоянно толчется? Будешь всю жизнь веником под лавками мести! – припечатала Марфушенька.

– И буду! У Аленки вон... вообще – дрищ!

– Кто дрищ? – обомлела та. – Володька мой? Вот тебе и здрасьте! Мал золотник да дорог!

Наблюдая эту сцену, Василиса с аппетитом уминала кашу и азартно ждала продолжения.

– Ох, и намаешься ты с ним! – погрозила Аленке пальчи-

ком в золотом перстне Марфушенька. – Настькин хоть бревно поднять может, штанов не обмочив, а твой Володька что? – Да он... да у него... Государев человек – мой Володечка!

– подбоченилась Аленушка.

– Вот именно! – поддакнула Василиса. – А у тебя самой-то есть жених? – обратилась она к Марфушеньке.

– Выбираю еще, – гордо ответила та. Взяла зеркало и, посплюнявив палец, подтерла бровь. – Замуж один раз выходить, так что делать все надо по уму!

– К ней даже один заморский сватался, – с придыханием сказала Настенька. – Сам черный, волос кучерявый, богатый, страсть! Черноморд... Черномырд... Как его, Марфа?

– Да какая разница? Не люб он мне!

– Дядька Черномор, что ли? – едва не выронила ложку Василиса.

– Кому, может, и дядька, а ко мне его внук приезжал. Прислушал о моей красоте, ну и... – Она многозначительно выпятила обтянутую сарафаном грудь.

– Чем же он тебе не понравился?

– Да ну... Вот если бы ко мне Метелица посватался, не думала бы, полетела бы к нему стрелой! – мечтательно закатила глаза Марфушенька. – Давеча к нам с проверкой приходил, снегу нанес, хоть лопатой разгребай! Глаза что небо синее! Ажно сердце зашлось!

Подавившись, Василиса закашлялась и сипло переспросила:

– Ты про кого? Про Данилыча?

– Дикая она у тебя какая-то, Аленка, совсем без уважения! – возмутилась Марфушенька. – Сразу видно, из тьмутаракани приехала! Глеб Данилович он, понятно?!

– Заколыхалась, гляньте на нее! – фыркнула Василиса. – Даром мне твой Данилыч не нужен!

– Да он на тебя и не посмотрит, на тощую былинку!

– Ну я тебе сейчас... – приподнялась Василиса.

– Девочки, да что вы, право слово, будто белены объелись? Может, конопляное семя в чашку попало? – Аленка полезла в миску ворошить семечки.

– И то верно, – стукнула ладонью по столу Настенька. – Мы же гадать хотели!

– И погадаем, самое время! Сейчас Васенька доест только.

– А чего этот ваш Метелица с проверками ходит? – уточнила Василиса.

– Так насчет волшебств разных, – ответила за всех Аленушка. – Чтобы магический фон не нарушали. А то как же за порядком следить? Времена нынче темные.

– Девицы у нас пропадают, – прошептала Настенька и покосилась на окно.

– Ого, – вскинула брови Василиса, ощутив неподдельный интерес. – И много пропало?

– А кто ж знает? Как указ вышел, сидим без новостей.

– Так, погоди, что за указ?

– Вот голова садовая, – пнула ее под столом Аленушка. –

Я ж тебе русским языком только что объясняла!

– Да, что-то припоминаю. – Василиса поскребла по миске, собирая остатки каши.

– Раньше мы все новости из зеркал узнавали, а теперь вот, – Марфушенька покрутила зеркальце, – только свою рожу и видно!

«Бьюти-блогерша недоделанная!» – зыркнула на нее Василиса, но промолчала.

– Ага, обрубили нам любую связь, только гадать и осталось, – вздохнула Настенька.

– А можно поподробнее? Что вам известно о пропавших девушках и обстоятельствах их исчезновения? Расскажите?

– Ой, конечно! – захлопала в ладоши Настенька. – Страсть как люблю про других лясы точить!

– И я люблю, – расплылась в хитрой улыбке Василиса.

Глава 14

– Ох, она тебе сейчас понараскажет, насочиняет с три короба! – хмыкнула Марфушенька. – Все в Лиходееве знают, что большей выдумщицы, чем Настька, нет!

– Да так уж и нет! – фыркнула в ответ Настенька. – Что же ты тогда со мной водишься? Может, я вру, что ты красавица писаная, а?

– Вот ведь кони бегали по кругу! Опять бодаться начали? – возмутилась Василиса. – Обе вы красавицы, умницы и... чего вы там о себе еще насочиняли? Давайте уже делом займемся!

– И то верно, девочки! Мы же гадать собирались! – влезла в спор Аленка.

– Вы мне про пропавших девушек рассказать обещали, – гнула свое Василиса.

– Тогда совместим? – предложила хозяйка и стала убирать со стола.

– Если ты такая умная, сама и рассказывай! – взмахнув рыжей косой, Настенька пересела по другую сторону стола.

– И расскажу! Уж поболее твоего знаю! – показала ей язык Марфушенька. – Между прочим, я на соседней улице от Машки живу! И я последняя ее видела, вот!

– А, так одну из пропавших зовут Маша? – Василиса пощелкала пальцами и огляделась, но ничего похожего на блок-

нот и ручку, разумеется, не нашла. Впрочем, на девичью память она не жаловалась, а потому решила продолжить опрос свидетеля, чтобы на следующий день, на работе, все записать. Чернилами и гусиным пером, прости господи.

– Так что с гаданием-то? – растерялась Аленушка. – Будем?

– Пилите, Шура, пилите! – Подтянув рукава рубахи, Василиса приняла серьезный вид и уставилась на чернявую Марфушеньку.

– Чего пилить? – не поняла Аленушка.

– Будет, говорю, вам гадание! Вы только от главной темы в сторону не уходите. Интересно же! Когда у вас все эти исчезновения начались?

– Так аккуратно перед Рождеством, – подала голос Настенька. – Ко мне Никита как раз сватов заслал. В середине Просинца у нас объявление о свадьбе должно было быть. Теперь уж даже не знаю...

– В январе, – на ухо Василисе шепнула Аленушка. – Как раз свет начинает прибавляться. И по великой радости весна тогда не задерживается, приходит вовремя. Земля оживает, а с ней и добрая магия силой полнится. А на Солнцеворот свадьбы играем. И тогда магия становится непобедимой, понимаешь?

– Как тут у вас все лихо закручено, – пробормотала Василиса. – У нас о таком и не слыхивали. Свадьба, ресторан, гости, потом просто жизнь. Иногда с разводом.

– Ужас какой! – вздрогнула Аленушка. – Нельзя разрывать влюбленные сердца, они творят магию!

– Еще как творят, – усмехнулась Василиса. – Так что там с пропавшими?

– Невеста – символ чистоты и жизни, – объяснила Настенька. – Не будет невест – не будет свадеб, не будет свадеб...

– Магия кончится? – нетерпеливо подсказала Василиса.

– Добрая магия исчезнет. Останется только темная, – ответила Марфушенька. – Они вон всю уже свадьбы играют! Ванька Леший вчера снова женился!

– Угу, – вспомнила об этом событии Василиса. – А поговаривают, что дурак.

– Дурака легче всего обженить!

– Помню, как с Машенькой в детстве по садочку гуляла... – всхлипнула Настенька.

– А я с ней на соседней улице живу! – Марфушенька вынула из рукава платочек и сунула подруге. – Машка, конечно, то еще чучело. Вечно шапку красную напялит и радуется. Со странностями, в общем. Но девка хорошая. Живут они небогато. Бабка у нее в соседней деревне, с матерью в контрах. Вот Машка между ними и мечется.

– А почему в контрах?

– Так бабка в город переезжать не хочет! Говорит, где родился, там и пригодился. Чем она там занимается, не ведаю, но ведь за старым человеком уход нужен. А она ни в какую!

Вот Машка то с пирогами, то с примочками к ней через лес и бегают. Мать ее пекарню держит, а Машка ей помогает. Вот скажите, зачем нам пекарня, когда в каждом доме печка есть?

– А что у Маши с женихами?

Девицы переглянулись.

– Ни разу я ее с парнями не видела, – ответила Марфушенька. – Но знаю, что сватали ее. Видать, никто не приглянулся.

– Да, не всем везет сразу свою любовь встретить! – свысока посмотрела на нее Настенька.

Марфушенька закатила глаза и надула губки.

Тем временем Аленушка расчистила стол, поставила на него глубокую тарелку с пшеном и положила несколько восковых свечей.

– Может, с поленницы начнем? – спросила Марфушенька.

– Не, поленницу и забор напоследок оставим! – решительно заявила Аленушка.

Василиса переводила озадаченный взгляд с одной девицы на другую. Как говорится, очень интересно, но ничего непонятно.

– Ох, вот бы хоть чуточку магии можно было использовать! – закручинилась Настенька.

– Что ж поделать, подруженьки, указ есть указ! – развела руками Аленушка.

Василиса молчала. Перебирая в памяти сказки, она нахо-

дила много общего с тем, что происходило. Одна красная шапочка чего стоила!

– Если эта ваша Машенька ходила через лес, то... – начала она.

– Теперь нам запрещено туда ходить! – тут же отозвалась Настенька.

– И нечего там делать! – вторила ей Марфушенька.

– В лесу волки, – подняла вверх указательный палец Василиса.

– Ты что же думаешь, Машку волки съели? – плюхнулась на лавку Аленушка.

– А вы так не думаете?! – пораженно ответила Василиса. – Это же логично! Красная шапочка, бабушка, пирожки, волки! Ну, чувствуете связь?

Девицы уставились на нее, явно не понимая, куда она ведет.

– Как же у вас тут все запущено!.. – схватилась за голову Василиса.

Но если местные девушки и не могли сложить два плюс два, то Данилыч и Володя двигались в нужном направлении. Это она знала точно, потому как сама еще совсем недавно едва не оказалась на месте несчастной Маши. И осознание этого укрепило Василису в том, что ее выбор профессии был верен. Она даже плечи расправила.

– Так, а еще кого вы знаете из пропавших? – задала она следующий вопрос.

– Людмилу, – хором ответили Настенька и Марфушенька.

– Что за Людмила? Где живет?

– Она не местная, из Киевского княжества приехала. А парень у нее нашенский, – опередила подруг Настенька. – Русланом зовут. Они там с ним познакомились. Богатырь с врагами борется, а ее сюда перевез, чтобы, значит, ждала она его в Лиходееве. Вернется на побывку, свадьбу сыграют. Или нет... – Всхлипнув, девушка зажала рот ладошкой.

– Вообще не понимаю, зачем со стороны невест возить? Своих, что ли, мало? – сердито заметила Марфушенька.

– Так ведь любовь у них! – снова всхлипнула Настенька. – Видела их как-то. Он ей: Людк, а Людк, слышь, чего скажу! Она ему: что? А он ей: люблю тебя больше жизни! Во как!

Василиса почесала затылок. Без гусяного пера и чернил было трудно.

– Мы гадать будем сегодня или как? – спросила Аленушка.

– А чего гадать? – развернулась к ней Василиса. – Жених у тебя есть! И у Настасьи имеется! Уж кому и нужно это гадание, так это Марфе.

– Вот еще глупости! – подбоченилась Марфушенька. – Я сама себе хозяйка, как решу, так и будет!

– Решит она, гляньте на нее! – покраснелась Настенька. – Пока ты думаешь, всех разберут! А часики-то тикают!

Девушки зашумели, заспорили, а Василиса вдруг отчетливо поняла, что ни за что не отступится. Она сама найдет про-

павших девушек, чего бы ей это ни стоило!

– А давайте сегодня на Ваську гадать? – вдруг предложила Аленушка. – Она у нас человек новый и жениха у нее нет.

– Да! Точно! – перебивая друг друга, заголосили подруженьки.

– Делайте что хотите, – отмахнулась Василиса. Мысли ее были заняты совсем другим.

– Тогда пошли на улицу, пока совсем темно не стало!

Отказываться было бесполезно. Девки замельтешили, заметались по избе, затрясли шубейками и платками. Аж в глазах зарябило. Кто про что, а вшивый про баню, решила Василиса и тоже пошла обуваться. Глядишь, получат свое и успокоятся.

– Ну, что делать надо? – спросила она, когда они вышли на улицу.

– Дуй туда! – велела Аленушка и ткнула пальцем в темнеющее в снежных сумерках прямоугольное строение, которое являлось поленницей. – И полено тащи!

– У тебя же возле печки целая гора дров навалена? – накинув капюшон, поморщилась Василиса. Тащиться к поленнице по колено в снегу не хотелось.

– Иди, иди! Я тебе после расскажу!

– Тебя что ни спроси, все после! На кой хрен мне полено?

– Да что ж ты какая несговорчивая? Иди уже!

Нехотя Василиса спустилась с крыльца и потопала к поленнице. Не выбирая, прихватила сверху требуемое и верну-

лась. Девицы тут же сгрудились вокруг, рассматривая дровяшку, зашептались.

– Ого, прям поленище! – восхитилась Настенька.

– Суковатое больно... – скривилась Марфушенька.

– И? Что мне с этой информацией делать прикажете? – хмуро спросила Василиса.

– Мужик у тебя будет сильный, но с вредным характером, – «расшифровала» полено Аленушка.

– Так, может, мне с ним и не расставаться, с бревном-то? – хохотнула Василиса. – В случае чего вмажу промеж глаз, он и присмирееет?

– Теперь надобно узнать, в какой стороне он живет! – захлопала в ладоши Настенька. – Васенька, снимай сапожок!

– Сдурела?! Дубак на улице!

– Я тебе валенок дам, а ботинок свой за забор бросишь! Куда носок покажет, оттуда и жениха твоего ждать! – ласково улыбнулась Аленушка.

Отказать Аленке у Василисы не хватило духу. Вон как глазищи горят. Интересно ей! И то правда, телевизора нет, интернета тоже, ни одной книжки в избе! Чем еще девкам развлекаться? Вот они замуж и бегут как оглашенные.

Аленушка метнулась в сени и принесла обрезанный валенок.

– Скидывай быстро, и правда холодно!

Кряхтя и тихо поругиваясь, Василиса оперлась на ее руку и стянула ботинок. Сунула разутую ногу в валенок и поко-

выляла к забору. Замахнулась.

– Нет, спиной развернись! – замахали руками девушки.

– Может, еще глаза закрыть? Или на четвереньки встать для чистоты эксперимента?

Девушки опять заспорили, а она не стала ждать дополнительных условий и, развернувшись, швырнула ботинок за спину.

Через пару секунд послышался удар, а затем грозный рык:

– Да что б тебя... Найдёнова!!!

Глава 15

Калитка жалобно и нутужно заскрипела, когда с другой стороны забора ее попытались практически вырвать с корнем. Мешал снег, которого за вечер навалило еще больше.

В отчаянии Василиса глянула на крыльцо, но там уже никого не было.

– Ах, предательницы! – белыми от ужаса губами прошептала она и, вжимая голову в плечи, трусливо порысила к дому. Но, подгоняемая страхом, в суматохе не увидела своих следов, так что пришлось лезть через сугробы.

Разумеется, она сразу поняла, кому принадлежал этот львиный рык. Тут семи пядей во лбу не требуется. Только Данилыч может так рявкать на подчиненных! Но сейчас у него были все основания и для того, чтобы рычать, и, как и подобает льву, наказать зарвавшуюся тонконогую лань.

«Субор-бр-р-динацию нарушила!» – сиреной взревело в голове под барабанную дробь зубов.

Василиса пыталась скрыться с места преступления и сделать вид, что ее здесь не было. Да, позорно свалить, как это сделали ее новоявленные подруженьки. Вот же ситуация, врагу не пожелаешь!

«Ты успеешь!» – подбадривала она себя.

Однако удача явно была не на ее стороне. На полпути к избе Василиса посеяла в сугробе валенок, и теперь, балан-

сируя на одной ноге, пыталась найти его, теряя драгоценные секунды.

И точно, вот уже и снежный вихрь закрутился вокруг, а сквозь это мракобесие донеслось:

– Стоять!

– Стою... – раскинув руки, огородным пугалом зависла Василиса.

Через мгновение ее прихватили за шиворот и, словно морковку из грядки, выдернули из сугроба. Перед глазами мелькнули серебристые нарукавные позументы, висок обожгло горячим дыханием.

– Ты что же это творишь, Найдёнова? – обманчиво-ласковым голосом поинтересовался Данилыч.

– П-простите! С-случайно вышло! – поджав ноги, затрепыхалась Василиса. – С-сама не знаю, как так получилось! Оно само...

– Само?! Вот это?! – сунул он ей под нос ботинок.

– Ага! Холодно же, Глеб Данилович... П-пустите!

Но отпускать он ее не планировал. Зажал поперек талии локтем вместе с ботинком, будто она ничего не весила, и потащил к избе. Поднявшись на крыльцо, остановился, заметив полено. Василиса зажмурилась.

Свободной рукой Данилыч поднял полено и открыл дверь. Миновав сени, вошел в избу, где наконец отпустил Василису и швырнул ботинок в угол.

Перед ними предстала картина маслом: три девицы си-

дели на резной лавочке под окном и, напевая что-то вроде «Вот кто-то с горочки спустился», старательно изображали мир, покой и сказочное благополучие. Аленушка пряла пряжу (рядом с ней стояла прялка с мотком шерсти. Судя по всему, собачьей), Марфушенька переплетала косу, а Настенька сматывала в клубок шерстяную ниточку из рук Аленушки.

При появлении Данилыча и Василисы, девушки смолкли. Первой спохватилась Аленушка:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.